ДБ
10
Г62

Проф. П. В. Голубовскій.

КРИТИКО-БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ОБЗОРЪ

ТРУДОВЪ

ПО ДРЕВНѢЙШЕМУ ПЕРІОДУ

РУССКОЙ ИСТОРІИ.

КІЕВЪ.
Типографія Императорскаго Университета св. Владиміра Акц. О-ва печ. и изд. дѣла
Н. Т. Корчакъ-Новицкаго, Меринговская ул. д. № 6.
1907.

DB
10
Г62

Проф. П. В. Голубовскій.

25/81

КРИТИКО-БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ОБЗОРЪ

ТРУДОВЪ

БИБЛІОТЕКА
ИНСТИТУТА КРАСН. ПРОФЕССУРЫ
№ 136528

ПО ДРЕВНѢЙШЕМУ ПЕРІОДУ

РУССКОЙ ИСТОРІИ.

КІЕВЪ.
Типографія Императорскаго Университета св. Владиміра Акц. О-ва печ. и изд. дѣла
Н. Т. Корчакъ-Новицкаго, Меринговская ул. д. № 6.
1907.

Печатано по опредѣленію Совѣта Императорскаго Университета
св. Владиміра.

Оттискъ изъ „Университетскихъ Извѣстій“ за 1907 годъ.

Критико-библіографическій обзоръ трудовъ по древнѣйшему періоду Русской Исторіи.

III.

Ясинскій, М. Н.: Закупы Русской Правды и памятниковъ западно-русскаго права. (Юридическая природа закупничества). Кіевъ. 1904; *Шахматовъ, А. А.:* Сказаніе о призваніи варяговъ. Санктпетербургъ. 1904 г.; *Сергѣевичъ В.:* Русская Правда въ четырехъ редакціяхъ, по списку Археографическому, Троицкому и князя Оболенскаго, съ дополненіями и варіантами изъ другихъ списковъ, издалъ В. Сергѣевичъ, почетный членъ Историческаго Общества Нестора Лѣтописца. С.-Петербургъ. 1904 г.; *А. В. Лонгиновъ.:* Мирные договоры Русскихъ съ Греками, заключенные въ X вѣкѣ. Историко-юридическое изслѣдованіе. Одесса. 1904 г.; *Кузнецовъ, С. К.:* Культъ умершихъ и загробныя вѣрованія Черемисъ. Выпускъ первый. М. 1905 г.; *Кузнецовъ:* Поѣздка по древней Черемисской святынѣ, извѣстной со временъ Олеарія. М. 1905 г.; *Болсуновскій, К. В.:* Автономныя монеты Галицкой Руси XIV—XV ст. Кіевъ. 1905 г.; *Totoraitis Johann:* Die Litauer unter dem König Mindowe bis zum Jahre 1263. Dissertation zur Erlangung der Doktorwürde der hohen philosophischen Facultät der Uniwersität Freiburg in der Schweiz vorgelegt von... Freiburg. 1905; *Графъ А. Бобринскій:* Херсонесъ Таврическій. Историческій очеркъ. Спб. 1905 г.

Ясинскій, М. Н.: Закупы Русской Правды и памятниковъ западно-русскаго права. (Юридическая природа закупничества). Кіевъ. 1904 г.

«Вопросъ о закупничествѣ и закупахъ, говоритъ авторъ, является и до сихъ поръ очень спорнымъ и рѣшается весьма различно». Въ самомъ дѣлѣ, одни думаютъ, что въ основѣ закупничества лежалъ личный наемъ, другіе—заемъ, соединенный съ самозалогомъ; по мнѣнію однихъ, закупы—люди свободные, по мнѣнію другихъ, они—полусвободны, неполные, временные холопы. Причиной такого разнорѣчія

является, какъ справедливо замѣчаетъ М. Н. Ясинскій, недостаточность, неточность и даже запутанность нашихъ источниковъ. Въ нашемъ распоряженіи имѣется лишь нѣсколько статей Русской Правды, при чемъ самыя важныя для рѣшенія вопроса о закупничествѣ несомнѣнно искажены переписчиками. Искажены эти статьи во всѣхъ спискахъ Русской Правды, а потому и сличеніе ихъ разночтеній не могутъ привести ни къ какимъ положительнымъ результатамъ. Поэтому авторъ считаетъ необходимымъ привлеченіе новыхъ, дополнительныхъ, данныхъ для рѣшенія запутаннаго вопроса о закупахъ. Гдѣ же искать этихъ новыхъ матеріаловъ? Авторъ находитъ ихъ, главнымъ образомъ, въ памятникахъ западно-русскихъ. По мнѣнію М. Н. Ясинскаго, «именно западная или Литовская, а не восточная, или Московская, Русь наиболѣе сохранила и развила древне-русскія правовыя нормы и явилась въ этомъ отношеніи преемницей Руси земскаго періода». Нельзя не согласиться, что въ юго-западной Руси институтъ закупничества сохранился еще и въ XV — XVI вв, такъ какъ объ этомъ неопровержимо говорятъ дошедшіе до насъ, довольно многочисленные, памятники, но первая мысль, кажется намъ, должна быть нѣсколько ограничена. Кажется намъ, что и юго-западная, и сѣверо-восточная Русь являются въ одинаковой степени наслѣдницами тѣхъ правовыхъ нормъ, которыя выработались въ земскій періодъ ихъ жизни. Дальнѣйшее развитіе юридическихъ отношеній не могло быть уже вполнѣ нормальнымъ, вполнѣ правильнымъ, ни въ той, ни въ другой половинѣ древней Руси уже въ силу хотя бы того обстоятельства, что развитіе это продолжалось не вполнѣ свободно, а подъ давленіемъ внѣшнихъ обстоятельствъ, и съ привнесеніемъ въ жизнь новыхъ, чуждыхъ, правовыхъ элементовъ. Стереотипная фраза литовскихъ князей «мы старины не рушаемъ, а новины не вводимъ» является только фразой. Ссылки частыя «такъ было за Витовта» не указываютъ на старину древне-русскую, а на старину литовскую, на новину, которая отдѣльными, болѣе или менѣе, мелкими чертами входитъ въ юридическія отношенія древней Руси. Оставляя въ сторонѣ тѣ свидѣтельства памятниковъ, приводимыя авторомъ, которыя указываютъ, что глаголъ «*закупить*» тождественъ съ выраженіемъ «*взять въ заставу*», т. е. въ залогъ, что существительное *закупъ* вполнѣ соотвѣтствуетъ заставѣ, залогу, закладу, а *закупной* означало взятый въ заставу, т. е., въ залогъ или закладъ, и что выраженіе *быть въ пенязехъ*, *держать у пенязехъ* означало то же самое, что̀ и выраженіе *быть въ закупъ*, *мѣть въ*

закупехъ, мѣть въ заставѣ, т. е., имѣть или держать въ залогѣ, въ закладѣ, оставляя эти свидѣтельства и соглашаясь здѣсь вполнѣ съ уважаемымъ авторомъ, мы позволимъ себѣ, однако же, остановиться на тѣхъ актахъ, которые свидѣтельствуютъ о тождествѣ вышеприведенныхъ терминовъ о закупничествѣ и по отношенію людей. Мы считаемъ самымъ важнымъ показаніемъ то, которое находится въ Литовскомъ Статутѣ 1529 года и является древнѣйшимъ въ ряду другихъ, приводимыхъ М. Н. Ясинскимъ. Тутъ не можетъ быть никакихъ сомнѣній, что *закупить* тождественно съ *pignori accipĕre*, а *закупитися* съ *se impignorārе*, наконецъ, что *закупъ* совпадаетъ съ *impignoratus*. Но это совпаденіе, именно, послѣднее, по нашему крайнему разумѣнію, требуетъ разсмотрѣнія. Является вопросъ, что *закупъ* есть qui se impignoravit или quem alius quisquis impignoravit? Другими словами можно было только se impignorare или также и aliquem impignorāre? Въ актахъ, приводимыхъ авторомъ, есть прямыя указанія, что возможно было и второе, возможна была и передача закупа. Мы находимъ рядъ примѣровъ, когда кто-нибудь даетъ другому свою *челядь* для отрабатыванія своего долга. Челядь — люди невольные, полная собственность своего господина [1]), которую можно было заставить работать у себя дома, или отдать въ работу другому за извѣстную плату или погасить у кого-нибудь свой долгъ, отдавъ ему въ работу своего человѣка. Какъ только совершилась сдѣлка impignorationis челяднина, съ этого момента долгъ его господина уничтожался, а челяднинъ оставался до полной отработки долга своего господина у кредитора, который временно дѣлался его новымъ господиномъ. Это impignoratio челяднина-раба основывалось на томъ, что онъ есть полная собственность, вещь своего господина, которую послѣдній могъ утилизировать, какъ ему угодно. Но запись 1539 года говоритъ уже о фактѣ иного рода, особенно для насъ интересномъ. Здѣсь мы находимъ слѣдующее. «Жаловалъ передо мною Богданъ Игудичъ... на Гапона Понарчиза тымъ обычаемъ: *запродали* они были зятя своего... Павлу Внучку... и потомъ Павелъ того *закупа* мнѣ перевелъ за 80 грошей...» (стр. 26). Тутъ мы имѣемъ уже дѣло съ передачей закупа въ другія руки. Такой фактъ, по нашему мнѣнію, безусловно идетъ въ разрѣзъ съ юридическими понятіями древней Руси. Какъ ни скомканы, какъ ни искажены тѣ главы, которыя въ Русской Правдѣ посвящены закупниче-

[1]) Слово челядь въ до-татарскій періодъ имѣло болѣе широкое значеніе.

ству, тѣмъ не менѣе у нихъ есть мѣста ясныя, толкованіе которыхъ можетъ быть сдѣлано безъ колебаній. Намъ кажется, что къ числу такихъ относится и слѣдующее: «пакы ли (господинъ) пріиметь на немь (на закупѣ) коунъ, то опять емоу воротіти коуны, что будеть приялъ, а за ѡбидоу платити Г гривнѣ продаже». (Русская Правда по Синодальному списку, изд. Дубенскаго, Рус. Достопамятности, т. II, стр. 49). Здѣсь именно предусматривается случай, когда господинъ (лучше бы сказать: *хозяинъ*) закупа вздумалъ отдать своего закупа въ работу другому лицу. Оказывается при этомъ, что хозяинъ закупа бралъ отъ третьяго лица всю сумму денегъ за разъ, а закупъ отрабатывалъ ее у этого третьяго лица постепенно. Такъ могъ устроиться хозяинъ закупа съ какимъ-нибудь изъ своихъ кредиторовъ. Но законъ предвидитъ этотъ случай. Онъ не только требуетъ уничтоженія подобныхъ сдѣлокъ, но и подтверждаетъ, что закупъ есть человѣкъ свободный, личностью котораго никто распоряжаться не можетъ. Попытка распоряженія его личностью считается умаленіемъ его личности—*обидой*, за что и полагается штрафъ (продажа) въ три гривны. Такимъ образомъ, не смотря на свою нѣкоторую матеріальную зависимость отъ своего хозяина, закупъ признавался вполнѣ лично свободнымъ человѣкомъ. Другія мѣста тѣхъ же статей о закупахъ, какъ извѣстно, указываютъ на такой же юридическій взглядъ. Такимъ образомъ, въ литовскій періодъ положеніе закуповъ значительно измѣнилось: изъ свободныхъ людей, связанныхъ съ другимъ лицомъ лишь *временной личной* сдѣлкой, они переходятъ въ разрядъ полусвободныхъ людей: о штрафѣ за обиду передачи личности закупа въ распоряженіе третьяго лица нѣтъ уже упоминанія. Въ XVI в., дѣйствительно, закупъ является «должникомъ, обезпечивающимъ свой долгъ залогомъ или закладомъ своей личности», при чемъ, добавимъ отъ себя, закупъ являетья уже не болѣе, какъ заложеннымъ орудіемъ, которое можно было и перезакладывать третьему, четвертому и т. д. лицу, пока это орудіе не выработаетъ столько времени, что стоимость послѣдняго будетъ равняться суммѣ долга, сдѣланнаго когда-то первому кредитору. Несомнѣнно, закупничество XVI в. происходитъ изъ закупничества древне-русскаго, но тѣмъ не менѣе между тѣмъ и другимъ существуетъ огромная разница. Мы согласны съ авторомъ, что тутъ дѣло не въ простомъ созвучіи терминовъ, что здѣсь между наблюдаемыми явленіями существуетъ неразрывная генетическая связь, но они уже не тождественны. Что же касается вопроса о томъ, что же такое

представляло изъ себя закупничество древнѣйшаго періода, то рѣшать его въ настоящій моментъ нѣтъ возможности. Позволимъ себѣ высказать только нѣкоторыя соображенія о статьяхъ Русской Правды, въ которыхъ трактуется о закупахъ. Прежде всего обращаетъ на себя вниманіе выраженіе «*ролейный закупъ*». Является вопросъ: если были «закупы ролейные», то были ли «закупы» не ролейные? Намъ кажется, что вопросъ этотъ долженъ быть рѣшенъ утвердительно: въ противномъ случаѣ не нужно было говорить *ролейный* закупъ, а просто *закупъ*. Мы не можемъ считать простою случайностью сопоставленіе или приравненіе закупа къ наймиту, такъ какъ мы находимъ его въ лучшихъ спискахъ, Троицкомъ и Карамзинскомъ. (Троицкій сп., глава 55, Карамзинскій, 73, Текстъ Рус Правды, изд. Калачова, М. 1847, стр. 13 и 33). Для насъ несомнѣннымъ является, что въ положеніи закупа и наймита существовали такія точки соприкосновенія, которыя почти отождествляли ихъ. Далѣе. Какъ смотрѣть на варіанты, которые мы находимъ въ главѣ о закупѣ, начинающейся словами: «аже господинъ прибиднть закоупа ..»? «Оувѣдеть вражду и оуверединть цѣну» или просто: «а въведеть копу его...» (Синодальный, стр. 48, Рус. Достопамятности, I, Карамзинскій, 73, изд Калачова, стр. 33; Троицкій, 55, то же изд., Пушкинскій, стр. 51, Достопамятности, II). «Терминъ «вражда» очень древній и потому видѣть здѣсь позднѣйшую вставку переписчика нѣтъ никакой возможности. Терминъ «вражда» сохранился въ обычномъ правѣ южныхъ Славянъ и обозначаетъ виру за убійство. Переписчики Троицкаго и Пушкинскаго списковъ уже не понимали этого термина, выбросили его. Въ томъ древнѣйшемъ оригиналѣ, отъ котораго пошли всѣ эти списки, выраженіе «оувѣдеть враждоу», по нашему мнѣнію, существовало и имѣетъ, какъ намъ кажется, raison d'être. Переписчики, выбросившіе непонятное для нихъ «враждоу», соединили слова «въведеть» («оуведеть, оувидить») и «копу», и получилось безсмысленное «*оуведетъ копоу*», вмѣсто яснаго «оуверединть копу». Но является вопросъ: терминъ «цѣну» Синодальнаго и Карамзинскаго списковъ былъ ли сначала просто глоссой къ термину «копу», а потомъ введенъ въ текстъ, или въ оригиналѣ рядомъ существовали «цѣну» и «копу». Есть, какъ намъ кажется, нѣкоторое основаніе предположить именно послѣднее. Слѣдуетъ еще обратить вниманіе на весьма важный пробѣлъ въ главахъ, посвященныхъ закупамъ, пробѣлъ, существующій во всѣхъ спискахъ, говорящихъ о закупничествѣ. Возьмемъ Троицкій списокъ: статья 53 говоритъ о потерѣ плуга и

бороны, а 54 сразу начинается: «Аже изъ хвѣва выведуть.»—Что выведутъ? Плугъ и борону? Мы имѣемъ право предполагать существованіе приблизительно хотя бы такого начала: «Аже *дасть господинъ закупу волъ или конь*, а изъ хлѣва выведуть, то закупу того не платити...» Такимъ образомъ, мы предполагаемъ, что дошедшія до насъ въ Русской Правдѣ статьи о закупничествѣ представляютъ изъ себя мозаику изъ обрывковъ законоположеній и даже, можетъ быть, обрывковъ цѣлыхъ статей о закупахъ вообще, о закупахъ ролейныхъ и наймитахъ. По нашему крайнему разумѣнію, какъ прежде, такъ и теперь возбуждается цѣлый рядъ интересныхъ вопросовъ о закупничествѣ, но позволяемъ себѣ не согласиться съ уважаемымъ авторомъ относительно его безотраднаго взгляда на возможность подвинуть впередъ вопросъ о закупахъ. Правда, нужно привлеченіе новыхъ данныхъ, какъ это отчасти уже и сдѣлано М. Н. Ясинскимъ. Къ числу такихъ новыхъ данныхъ, кажется намъ, надо причислить и законодательные памятники другихъ славянскихъ народовъ. Нѣкоторыя попытки, весьма интересныя для разъясненія вопроса о закупничествѣ, сдѣланы уже мимоходомъ, какъ извѣстно, покойными учеными, Васильевскимъ (въ Ж. М. Н. Пр.) и Павловымъ (въ его трудѣ «Книги Судныя») по поводу «Земледѣльческаго Закона».

—

Шахматовъ, А. А.: Сказаніе о призваніи варяговъ. Санктпетербургъ. 1904 г.

Баеръ, Герардъ Фридрихъ Миллеръ, Струбе де-Пирмонъ, Шлецеръ, Кругъ, Лербергъ, Погодинъ, Куникъ—вотъ блестящій рядъ именъ, съ которыми связана разработка первыхъ страницъ нашей исторіи. Эти имена рисуютъ намъ цѣлую картину возникновенія, упроченія, развитія и ослабленія норманской теоріи происхожденія Русскаго государства. Какъ ни велика была эрудиція представителей норманской школы и ихъ противниковъ, защищавшихъ мнѣніе о славянскомъ происхожденіи русскихъ князей, главнымъ образомъ Забѣлина и Гедеонова, приходится сказать, что методъ рѣшенія вопроса о началѣ Русскаго государства не можетъ быть признанъ вполнѣ строго научнымъ. Видѣлъ это еще и одинъ изъ первыхъ норманистовъ, Шлецеръ. Онъ уже считаетъ необходимымъ обосновать теорію на историческихъ доказательствахъ, а не на одной только лингвистикѣ. «Итакъ, говоритъ онъ въ одномъ мѣстѣ своего «Нестора», выбросимъ изъ всей русской исторіи подобныя этимологическія игрушки и возвратимся къ Нестору!».

Это было первое указаніе на необходимость подвергнуть критическому анализу прежде всего самое сказаніе лѣтописи, какъ историческій источникъ. Между тѣмъ норманисты совершенно не задаются вопросомъ о достовѣрности самой лѣтописной легенды, а лишь стараются объяснить отдѣльныя ея мѣста. Но необходимость доказать, что сама-то легенда достовѣрна, уже давно сознавалась. Какъ извѣстно, Ламбинъ и сдѣлалъ попытку восполнить въ изслѣдованіи вопроса то главное, что̀ упускала норманская школа. Но и онъ приступилъ къ дѣлу уже съ предвзятой мыслью: сказаніе лѣтописи не можетъ быть легендой, потому что оно достовѣрно, а слѣдовательно надо указать, откуда могъ его взять составитель лѣтописи, и Ламбинъ старается показать, что это сказаніе есть не болѣе, не менѣе, какъ оффиціальное донесеніе греческой миссіи въ Константинополь о совершившемся въ Кіевѣ политическомъ переворотѣ, донесеніе, найденное лѣтописцемъ въ Кіевѣ и переведенное имъ съ греческаго языка (Ламбинъ: «Источникъ лѣтописнаго сказанія о происхожденіи Руси», въ Ж. М. Н. Пр., 1874 г., 6 и 7). Выводы Ламбина не были приняты въ наукѣ, но должно сказать, что онъ сталъ на правильный, строго-научный, путь изслѣдованія историческихъ вопросовъ. Историкъ обязанъ начинать изслѣдованіе вопроса съ критическаго анализа имѣющихся у него по данному вопросу историческихъ письменныхъ памятниковъ, каждаго изъ нихъ въ отдѣльности, затѣмъ (уже во вторыхъ) приступать къ сличенію ихъ показаній и только потомъ можетъ обратиться къ помощи другихъ наукъ — лингвистики, археологіи и т. д. «Имена дружинниковъ, первыхъ князей и днѣпровскихъ пороговъ — скандинавскія, ergo призваніе князей изъ Скандинавіи было». И методъ, которымъ добыто это умозаключеніе и выводъ должны быть признаны антинаучными. Норманисты вскользь дѣлаютъ замѣчанія (безъ этого нельзя было обойтись) относительно достовѣрности лѣтописнаго повѣствованія, въ родѣ: «Несторъ слышалъ разсказы Скандинавовъ» и т. д., но такіе мимолетные экскурсы въ сторону вопроса о достовѣрности главнаго источника, конечно, не имѣютъ никакого научнаго значенія, да и были разбиваемы вѣскими опроверженіями. Должны быть не бѣглыя замѣчанія, а строго-научный анализъ первоисточниковъ историческихъ. Ламбинъ, посвятившій цѣлое изслѣдованіе обѣлѣнію лѣтописнаго разсказа отъ легендарности, былъ единственный норманистъ, признавшій необходимость вести дѣло разрѣшенія вопроса о началѣ Русскаго государства строгимъ научнымъ методомъ.

Въ исторіи разработки вопроса о началѣ Русскаго государства мы наблюдаемъ по истинѣ странное явленіе. И въ отношеніи эрудиціи, и въ отношеніи методологіи господами положенія являются вначалѣ, несомнѣнно, норманисты, и эти люди во всеоружіи знанія и метода не соблюдаютъ требованій строго-научнаго метода рѣшенія историческихъ вопросовъ. Мало того. Они употребляютъ не всегда научные пріемы полемики, то замалчивая совершенно, то упоминая только вскользь иногда сокрушающія опроверженія своихъ противниковъ, то пуская въ ходъ иронію и насмѣшку. Всѣ, кто слѣдилъ за перипетіями варяжскаго вопроса, припомнятъ, что сказанное мною вполнѣ справедливо. Съ глубокимъ уваженіемъ къ памяти такъ много потрудившагося для русской исторіи покойнаго академика А. А. Куника мы должны сказать, что его «Посланіе къ сухопутнымъ морякамъ» недостойно было выйти изъ-подъ пера человѣка науки. А между тѣмъ ясныя, точныя, вѣрныя требованія строго-научнаго метода были указаны противниками норманской теоріи очень давно.

Оставляя въ сторонѣ теорію славистовъ, которая не была на столько сильной, чтобы поколебать теорію норманскую, мы должны сказать, что слависты, а не норманисты, выдвигаютъ требованіе критическаго анализа самыхъ историческихъ памятниковъ, на показаніяхъ которыхъ зиждется рѣшеніе вопроса: Гедеоновъ выступилъ, какъ извѣстно, съ допросомъ самого Нестора, какъ лѣтописца, и не щадитъ его. (Гедеоновъ: «Отрывки о варяжскомъ вопросѣ» и «Варяги и Русь». Но еще раньше Венелинъ выставилъ три положенія, на которыхъ должна покоиться научная разработка всякаго историческаго вопроса и критика историческаго матеріала: 1) всякій лѣтописецъ, подобно всякому сочинителю, долженъ подвергаться критикѣ, 2) лѣтописецъ можетъ быть свидѣтелемъ только въ предѣлахъ своей современности и 3) объ эпохѣ, предшествующей этой современности, лѣтописецъ обязанъ писать со свидѣтельствъ предшествовавшихъ хронистовъ. (Венелинъ: «Скандинавоманія и ея поклонники или столѣтнія изысканія о Варягахъ». 1842). Я не намѣренъ здѣсь дать исторію разработки вопроса о началѣ Русскаго государства и потому не касаюсь метода изслѣдованія представителей другихъ теорій: литовской, финской, венгерской, готской и болгарской. Всѣ они исходили изъ основного, слабо обоснованнаго или никакъ не обоснованнаго мнѣнія о полной достовѣрности лѣтописнаго повѣствованія. Труды ихъ не опровергли теоріи норманскаго происхожденія русскихъ князей. Значеніе всѣхъ этихъ

трудовъ заключается въ томъ, что они поддерживали постоянный интересъ къ вопросу, побуждали къ болѣе тщательному разслѣдованію его деталей и выставляли слабыя стороны норманской теоріи. На правильный путь разслѣдованія вопросъ о началѣ Русскаго государства выступаетъ, по нашему крайнему разумѣнію, лишь съ появленіемъ изслѣдованій Д. И. Иловайскаго и покойнаго академика В. Г. Васильевскаго. Принадлежа къ разнымъ лагерямъ по своимъ взглядамъ на начало Русскаго государства, оба эти ученые тѣмъ не менѣе послужили, какъ никто раньше, разъясненію вопроса. Первый подвергъ строго научному критическому анализу повѣствованіе одного, основного въ вопросѣ, письменнаго памятника — сказаніе лѣтописи (Иловайскій: «О мнимомъ призваніи Варяговъ», въ Рус. Вѣст. 1871 г., 11, 12 и 1872 г., 11, 12; вошло затѣмъ въ «Разысканія о началѣ Руси», М. 1882 г., первыя двѣ статьи). Второй въ своихъ изслѣдованіяхъ («Житіе св. Стефана Новаго», въ Ж. М. Н. Пр. 1877 г., 6: «Житіе Св. Іоанна Готскаго», ibid. 1878 г., 1; «Житіе Св. Георгія Амастридскаго», ibid. 1878 г., 2—3; затѣмъ его «Русско-византійскія изслѣдованія. Житія свв. Георгія Амастридскаго и Стефана Сурожскаго», въ Лѣтописяхъ занятій Археогр. Коммиссіи 1893 г.; раньше «Житіе св. Стефана Сурожскаго», въ Ж. М. Н. Пр. 1889 г., 5 и 6) далъ наукѣ артистическій анализъ двухъ, въ высшей степени важныхъ памятниковъ, именно указанныхъ житій свв. Георгія Амастридскаго и Стефана Сурожскаго. Сказаніе лѣтописи и два названныя житія являются, по нашему мнѣнію, для историка основными источниками въ рѣшеніи вопроса о началѣ Русскаго государства. Случайное извѣсіе Бертинскихъ лѣтописей, краткія, отрывочныя, сообщенія арабовъ представляютъ собой матеріалъ не только не имѣющій первостепеннаго значенія, но сами должны быть оцѣниваемы съ точки зрѣнія того вывода, который можетъ быть сдѣланъ на основаніи главныхъ указанныхъ источниковъ. Результаты, къ которымъ пришелъ В. Г. Васильевскій, имѣютъ весьма важное значеніе въ рѣшеніи вопроса о началѣ Русскаго государства. Ортодоксальная теорія норманистовъ о призваніи русскихъ князей изъ Скандинавіи опровергается данными Сурожскаго и Амастридскаго житій, данными, которыя историкъ долженъ признать безусловно достовѣрными, такъ какъ они добыты строго-научнымъ критическимъ анализомъ этихъ письменныхъ историческихъ памятниковъ. Существовала какая-то Русь южная, которая громила берега Чернаго моря еще въ первой половинѣ IX в., которая и въ то

уже время является народомъ *давно* на югѣ извѣстнымъ, а слѣдовательно фигурировавшимъ на югѣ еще раньше. Если раньше и высказывались противниками норманской теоріи подобныя же мысли, то онѣ не были такъ строго-научно обоснованы, какъ это сдѣлано покойнымъ академикомъ; теперь это уже не предположенія, а историческіе факты. Выводы В. Г. Васильевскаго приводятъ еще къ одному важному положенію, выдвинутому раньше Д. И. Иловайскимъ,— повѣствованіе лѣтописи — есть легенда. Д. И. Иловайскій путемъ тщательнаго анализа лѣтописнаго сказанія пришелъ къ выводу, что оно, въ томъ видѣ, какъ дошло до насъ, есть легенда, но не народнаго происхожденія, въ строгомъ смыслѣ, а литературное произведеніе, основанное отчасти на двухъ группахъ легенды—сѣверной и южной, не особенно искусно слившее ихъ, внесенное затѣмъ въ лѣтопись и разбитое въ ней по годамъ. Сѣверная легенда появилась въ Новгородѣ и получила свой окончательный видъ не ранѣе второй половины XII или первой половины XIII в., во время высшаго развитія Новгорода въ политическомъ отношеніи и самыхъ оживленныхъ сношеній съ берегами Балтійскаго моря. Эта легенда позднѣйшаго происхожденія. Такой выводъ отнимаетъ всякое значеніе у легенды въ вопросѣ о началѣ Русскаго государства. Легенда народная, какъ бы ни была она покрыта позднѣйшими наслоеніями, какъ бы ни была искажена въ подробностяхъ фантазіей позднѣйшихъ поколѣній, можетъ еще заключать въ себѣ зерно исторической истины, но легенда, явившаяся результатомъ обратнаго вывода изъ фактовъ позднѣйшихъ, не можетъ ничего дать историку. Д. И. Иловайскій подвергъ анализу сказаніе лѣтописи въ томъ видѣ, какъ оно дошло до насъ въ Повѣсти временныхъ лѣтъ, т. е., въ лѣтописномъ сводѣ начала XII в. Но дѣйствительно ли оно было таково и въ первоначальномъ видѣ? Этотъ вопросъ равносиленъ другому: въ какомъ видѣ была легенда о призваніи варяговъ въ моментъ перваго перехода ея въ письменность? Отвѣтить на этотъ важный вопросъ и взялъ на себя трудъ академикъ А. А. Шахматовъ. «Сравнительное изученіе, говоритъ уважаемый ученый, Лаврентьевскаго, Радзивиловскаго, Ипатьевскаго и Хлѣбниковскаго списковъ въ значительной степени достаточно для возстановленія текста древнѣйшихъ изводовъ Повѣсти временныхъ лѣтъ. По этимъ спискамъ не трудно возстановить Сказаніе о призваніи Варяговъ въ томъ видѣ, въ какомъ оно читалось въ древнѣйшихъ изводахъ Повѣсти временныхъ лѣтъ. Но будетъ ли это *первоначальнымъ видомъ Сказанія?* Многія соображенія заставля-

ютъ отвѣтить на этотъ вопросъ *отрицательно*». Изслѣдованіе А. А. Шахматова распадается на десять небольшихъ главъ: 1) *непервоначальность Сказанія* въ Повѣсти временныхъ лѣтъ, 2) исторія Коммиссіоннаго списка, 3) начальный Кіевскій сводъ, 4) двѣ редакціи Повѣсти временныхъ лѣтъ, 5) нѣсколько словъ о позднѣйшихъ лѣтописныхъ сводахъ, 6) *первоначальный видъ Сказанія* о призваніи Варяговъ, 7) текстъ различныхъ версій Сказанія, 8) извлекаемыя изъ различныхъ версій Сказанія *народныя преданія*, 9) смыслъ и происхожденіе отмѣченныхъ выше преданій и 10) литературныя обработки преданій о призваніи Варяговъ. Мы нарочно перечислили всѣ главы интересующаго насъ изслѣдованія: мы видимъ какъ систематически производитъ авторъ анатомію того литературнаго произведенія, котораго показанія вызвали многолѣтнюю полемику, разъясненія котораго потребовали столько усилій со стороны русскихъ изслѣдователей. Надо еще припомнить, что анализъ, который произведенъ почтеннымъ академикомъ, произведенъ имъ на основаніи цѣлаго ряда его трудовъ, посвященныхъ исторіи нашего древняго лѣтописанья. (Особенно статьи: «О начальномъ Кіевскомъ сводѣ», въ Чтеніяхъ Московскаго Общества Исторіи и Древностей за 1879 г. и «Начальный Кіевскій Лѣтописный сводъ и его источники», въ Юбилейномъ Сборникѣ въ честь Миллера, Спб. 1899 г. и цѣлый рядъ другихъ изслѣдованій въ этой же области). Но въ разсматриваемомъ трудѣ автору необходимо было возстановить въ короткихъ словахъ для читателя тотъ анализъ, который былъ совершенъ гораздо раньше надъ древнѣйшей лѣтописью и повторить его результаты. Это необходимо было сдѣлать потому, что въ противномъ случаѣ анатомическое выдѣленіе первоначальнаго Сказанія изъ цѣлаго литературнаго организма—древней лѣтописи—было бы неясно. Уважаемый авторъ снова приводитъ своего читателя къ ясному убѣжденію, что 1) въ Новгородѣ, по видимому, до 1043 г. былъ составленъ разсказъ о древнихъ судьбахъ этого города, 2) въ серединѣ XI в. онъ вошелъ въ *Древнѣйшій Лѣтописный Сводъ*, не имѣвшій никакихъ хронологическихъ указаній, 3) въ концѣ XI в. этотъ Древнѣйшій Лѣтописный Сводъ вошелъ, какъ основа, въ новый литературный трудъ, *Начальный Кіевскій сводъ*, 4) на основаніи этого послѣдняго въ XII в. явилась новая литературная компиляція Сильвестра, игумена Выдубицкаго Кіевскаго монастыря, — *Повѣсть временныхъ лѣтъ первой редакціи* и, наконецъ, 5) очень скоро явилась *вторая редакція Повѣсти временныхъ лѣтъ*, вѣроятно, въ 1118 году. Судьба Сказанія

о призваніи варяжскихъ князей тѣсно связана съ этой исторіей нашей Повѣсти Временныхъ Лѣтъ. Уже a priori, имѣя передъ глазами этотъ процессъ ея постепеннаго созданія, мы должны сказать, что и Сказаніе о призваніи варяжскихъ князей должно было видоизмѣняться подъ перомъ четырехъ компиляторовъ. Понятно само собой, что первоначальный видъ *Сказанія* должно искать въ *Древнѣйшемъ Лѣтописномъ Сводѣ*. Мы не можемъ передавать здѣсь процесса мастерского анализа почтеннаго академика. По его мнѣнію, версію Сказанія Древнѣйшаго Лѣтописнаго Свода довольно точно передалъ *Начальный Кіевскій Сводъ*. Возстановивъ, такимъ образомъ, версію Сказанія Начальнаго Кіевскаго Свода, получаемъ версію Сказанія Древнѣйшаго Лѣтописнаго Свода, за которой уже стоитъ та древнѣйшая версія, которая впервые была написана какимъ-то Новгородскимъ грамотеемъ и представляла изъ себя взятое имъ прямо изъ устъ народа преданіе, но все таки симъ грамотеемъ измѣненное. А. А. Шахматовъ даетъ Сказаніе въ четырехъ версіяхъ, которыя мы здѣсь выписывать не будемъ, отсылая читателя къ самому интересующему насъ изслѣдованію. Прослѣдивъ въ главѣ VIII, какъ постепенно видоизмѣнялось Сказаніе въ рукахъ русскихъ книжниковъ, авторъ въ X главѣ выясняетъ, какъ создалась первая версія Сказанія, переданная намъ въ первой записи Новгородца первой половины XI в. и имъ созданная на основаніи извѣстныхъ ему народныхъ преданій. «Въ основаніи записи, говоритъ авторъ, положены народное преданіе, а также нѣкоторыя сказанія, а быть можетъ, и историческія пѣсни. Съ большимъ интересомъ читается эта X глава, рисующая постепенную работу создателя перваго письменнаго Сказанія, его затрудненія и домыслы. Картина работы Новгородца, нарисованная А. А. Шахматовымъ, нарисована живо и дышитъ полной вѣроятностью. Какъ бы ни было, важно то, что въ первоначальной основѣ лежатъ народное преданіе Новгородское, мѣстныя преданія о прошедшихъ временахъ въ другихъ городахъ и, несомнѣнно, историческія пѣсни. Авторъ заканчиваетъ свое изслѣдованіе слѣдующимъ выводомъ: «мы имѣемъ теперь передъ собою: во первыхъ Новгородское сказаніе о призваніи князей изъ Варяговъ, *не смѣшиваемыхъ съ Русью*, сказаніе предполагающее, какъ мы видѣли, народное преданіе о приглашеніи въ Новгородъ *наемной варяжской дружины;* во вторыхъ работу Кіевскаго лѣтописца, *отождествившаго Варяговъ съ Русью;* и за этой работой мы видимъ *народное Кіевское преданіе* объ иноземномъ, варяжскомъ происхожденіи Руси, преданіе, не дававшее при

томъ никакихъ хронологическихъ указаній на время появленія Руси въ южной Россіи». Важность заслуги А. А. Шахматова заключается въ томъ, что онъ своимъ изслѣдованіемъ далъ русскому историку въ очищенномъ, первоначальномъ видѣ, основной источникъ, на которомъ зиждется весь вопросъ, опредѣлилъ характеръ этого источника и далъ, такимъ образомъ, возможность надлежащаго, правильнаго къ нему отношенія. Хотя каждое народное преданіе имѣетъ въ основѣ своей зерно исторической истины. но все таки преданіе остается преданіемъ; обязанность историка заключается въ отысканіи этого зерна, и было бы антинаучной ошибкой съ его стороны придавать сообщаемому народными преданіями факту in pleno историческое значеніе. Какіе выводы можно сдѣлать послѣ изслѣдованія А. А. Шахматова изъ добытыхъ имъ въ чистомъ видѣ народныхъ легендъ, объ этомъ распространяться здѣсь нѣтъ возможности. Я позволю себѣ представить лишь нѣсколько соображеній по поводу нѣкоторыхъ объясненій, дѣлаемыхъ уважаемымъ авторомъ въ X главѣ его изслѣдованія. Прежде всего мы должны высказать сожалѣніе, что А. А. Шахматовъ совершенно не коснулся южныхъ преданій, которыя пришлось примирять съ сѣвернымъ преданіемъ уже составителю Начальнаго Свода, знавшему эти мѣстныя преданія и оперировавшему съ ними. Въ такомъ ли видѣ эти южныя легенды передавались въ устахъ народа, въ какомъ даетъ ихъ намъ составитель Начальнаго Свода и дальнѣйшіе компиляторы? Вѣдь, Кіевскій древнѣйшій Сводъ начинался преданіями о хазарской дани, о появленіи въ Кіевѣ Аскольда и Дира, Кія, Щека и Хорива. По нашему крайнему разумѣнію, необходимо было обнаружить скелетъ и этихъ легендъ, какъ это сдѣлано для преданія Новгородскаго. Этимъ почтенный изслѣдователь далъ бы еще болѣе прочное основаніе русскому историку для сужденія о фактахъ, передаваемыхъ этими преданіями. На стр. 318, извѣстіе Начальнаго Свода и Повѣсти временныхъ лѣтъ о дани, наложенной Игоремъ (Олегомъ) только на три племени: Словенъ, Кривичей и Мерю, основывается на томъ фактѣ, что Чудь дѣйствительно не была подвластна русскимъ князьямъ. Мы должны припомнить по этому поводу, что еще въ Сагѣ о Св. Оловѣ упоминается о сборѣ дани съ Чуди еще при Владимірѣ Св., а г. Юрьевъ былъ построенъ Ярославомъ Мудрымъ. Повѣсть временныхъ лѣтъ составлена позже, слѣдовательно ея составителю было основаніе присоединить къ тремъ племенамъ и имя Чуди. — Уважаемый авторъ далѣе задается вопросомъ: почему сѣверное преданіе сообщало о призваніи

Варяговъ, а южное объ инозсмномъ варяжскомъ происхожденіи Руси? Для насъ не ясна вторая половина вопроса. Мы не знаемъ, въ какомъ первоначальномъ видѣ существовало южное преданіе. Можетъ быть, оно точно также отдѣляло Русь отъ Варяговъ, хотя и говорило о варяжскомъ происхожденіи и южныхъ князей. Въ этомъ пунктѣ вопроса о началѣ Русскаго государства мы наблюдаемъ интересное и весьма важное явленіе. Бываетъ, хотя и рѣдко, что два изслѣдователя, живущія разно, безъ всякаго вліянія другъ на друга, оперируя надъ однимъ и тѣмъ же матеріаломъ, приходятъ къ тождественнымъ выводамъ. Такъ напримѣръ случилось въ отношеніи восточной нумизматики съ Савельевымъ и Григорьевымъ. Но еще болѣе разительны случаи, когда два изслѣдователя, работая независимо одинъ отъ другого и при томъ надъ разными матеріалами приходятъ къ однимъ и тѣмъ же выводамъ. Академикъ В. Г. Васильевскій на основаніи тщательнаго анализа житій свв. Георгія Амастридскаго и Стефана Сурожскаго (это изслѣдованіе его указано выше) приходитъ къ непреложному заключенію, что Русь надо искать на югѣ, что Русь—только на югѣ и съ сѣверными варягами ничего общаго имѣть не можетъ. Еще раньше, подвергнувъ, можно сказать, художественной разработкѣ массу историческаго матеріала, тотъ же изслѣдователь приходитъ къ выводу, что въ Византіи Варяги не Скандинавы; Варяги—Русь-Тавроскиѳы отъ начала, т. е., съ 988 г. православные русскіе люди, а изъ этихъ двухъ посылокъ само собою вытекаетъ, что Русь не Скандинавы. (Варяго-русская и варяго-англійская дружина въ Константинополѣ, въ Ж. М. Н. Пр. 1874 и 1875 гг.). Другой ученый, академикъ А. А. Шахматовъ, оперируя совершенно надъ инымъ матеріаломъ, пришелъ къ тому же выводу, что Варяги на сѣверѣ, а Русь на югѣ, что Варяги дѣлаются Русью лишь съ того момента, какъ попадаютъ на югъ (это указывалось и предшествующими изслѣдователями, но могло сдѣлаться неопровержимо яснымъ только послѣ появленія интересующаго насъ труда почтеннаго ученаго). Среди добытыхъ звѣньевъ цѣпи посылокъ чувствуется какъ будто нѣкоторая дисгармонія, но она только кажущаяся при первомъ взглядѣ и должна исчезнуть при сопоставленіи нынѣ добытыхъ фактовъ. Почтенный академикъ останавливается надъ однимъ изъ такихъ фактовъ дисгармоніи и старается примирить фактъ существованія Руси только на югѣ и Варяговъ только на сѣверѣ съ фактомъ, будто бы несомнѣннымъ, тождества этнографическаго Руси съ Варягами. А. А. Шахматовъ указываетъ на аргументъ Томмсена, что восточные Славяне взяли имя Русь

отъ Финновъ, которые и доселѣ называютъ Шведовъ Ruotsi. Этотъ аргументъ очень старъ: онъ взятъ Томмсеномъ у Куника изъ его «Berufung der schwedischem Rodsen durch die Slaven und Finnen», и подвергся также давно сильнымъ возраженіямъ (ср. Ламанскій: Славяне въ М. Азіи, Африкѣ и т. д.). Теперь же, когда мы знаемъ, что народное Новгородское преданіе ничего не знаетъ о Руси, почтенному академику приходится прибѣгать къ предположенію, что ко времени образованія преданія въ Новгородѣ забылось имя Русь. Этотъ фактъ абсолютно невозможенъ. Для этого необходимъ и большой промежутокъ времени между фактомъ призванія и занесеніемъ преданія въ письменность, необходимо, чтобы Финны сами забыли имя Русь, потому что, въ противномъ случаѣ, Новгородцы, находясь съ Финнами въ постоянныхъ, очень близкихъ отношеніяхъ, также не могли забыть имени Русь. Какъ извѣстно, существуетъ много попытокъ объяснить происхожденіе имени Русь. Хотя очень давно Надеждинъ и указывалъ, что совсѣмъ не важно и не слѣдуетъ стремиться къ объясненію имени, а только опредѣлить, какому народу оно принадлежитъ, но въ варяжскомъ вопросѣ имѣетъ нѣкоторое значеніе и объясненіе значенія имени. Самымъ неудачнымъ, несомнѣнно, является объясненіе покойнаго академика Куника, старавшагося связать его съ Rodslagen, объясненіе искусственное, натянутое. Гораздо болѣе вѣское значеніе имѣло бы объясненіе профессора Гельсингфорскаго Университета Крона, который видитъ въ финскомъ Ruotsi лишь переводъ слова Норманнъ, т. е., сѣверный человѣкъ (рефератъ К. И. Якубова «О происхожденіи имени Русь» см. Извѣстія X Археол. Съѣзда въ Ригѣ, стр. 99). Но и въ такомъ случаѣ остается вопросъ: какимъ образомъ произошло, что Ильменскіе Славяне забыли имя Русь? Въ послѣднее время вопросъ о значеніи имени Русь обсуждался не разъ. Таковы недавнія попытки Ѳ. И. Кнауера, Тебенькова, Завитневича, Будиловича и Соболевскаго, и кажется мнѣ, что славянское происхожденіе имени Русь не можетъ подлежать сомнѣнію (см. А. И. Соболевскаго: «Русь», въ Чтеніяхъ Историч. Общества Нестора Лѣтописца, т. VI). Согласно съ этимъ факты, которые добыты теперь А. А. Шахматовымъ, заставляютъ думать, что Варяги усвоили себѣ на югѣ имя Русь, а не принесли съ собой его съ сѣвера, никогда раньше его не имѣли, а потому Новгородцы его и не забывали, а узнали его потомъ съ юга и передали его Финнамъ. Мы вѣдь не имѣемъ никакого указанія, что Финны такъ называли Варяговъ до распространенія власти Кіевскихъ князей на

Новгородъ. Уважаемый академикъ указываетъ на югѣ Варяжскій островъ, Варяжскія пещеры. Но отчего мы не имѣемъ Русскаго острова, Русскихъ пещеръ? Просто потому, что у Черниговцевъ не бываетъ Черниговской улицы, у Полтавцевъ — Полтавской, а у Кіевлянъ не можетъ быть улицы Кіевской, но улица Черниговская, Полтавская: у Руси и не могло быть улицы Русской. Не наблюдаемъ ли мы здѣсь третій случай результата близкаго сожитія двухъ народностей. Одинъ случай, когда народности смѣшиваются (населеніе финское и славянское въ Ростовѣ); второй, когда пришлая народность расплавляется въ туземной, но удерживается имя пришлой народности (Дунайскіе Болгары) и, наконецъ, третій, когда пришлый элементъ усвоиваетъ *имя* туземной народности, присваиваетъ его себѣ и потомъ сливается съ туземной народностью; а) Варяги и Кіевская—Полянская Русь; b) Русь (Варяги) и Славяне—Поляне; сліяніе, а затѣмъ Русь (Варяги ославянившіеся—Поляне), а остальныя племена—Славяне. «Ῥωσιστί и σκλαβινιστί» Константина Б. относится, несомнѣнно, ко второму моменту третьяго случая: Русь (Варяги) и Славяне—Поляне. Несомнѣнно, что въ этотъ моментъ Славяне—Поляне могли продолжать называть себя Русь, но внѣ Русской земли, Варяги,—теперь Русь,—только себя называли Русь, являясь представителями молодого государства. На вопросъ, какъ назывался какой-нибудь порогъ, дружинникъ Варягъ говорилъ: «по-славянски такъ, а по нашему, по-русски (варяжски) такъ», но онъ указывалъ здѣсь только на свой родной языкъ, а не на свое народное имя, или лучше, указывалъ на свое новое народное имя. Отмѣтимъ, что послѣ, когда не разъ бывали нанимаемы варяги, ихъ уже не называютъ Русью. Какъ только наемная варяжская дружина ославянилась, является снова Русь въ ея, такъ сказать, до-варяжскомъ видѣ, и весь 6000-ный вспомогательный корпусъ, посланный Владиміромъ въ Византію въ 988 г., состоитъ изъ православной Руси, въ которой нѣтъ *ни одного Скандинава* (В. Г. Васильевскій op. cit.).

Вотъ какія соображенія невольно приходятъ на мысль послѣ прочтенія труда А. А. Шахматова. Можно сказать, что теперь вопросъ о началѣ Русскаго государства вышелъ окончательно на вѣрный путь.

—

Русская Правда въ четырехъ редакціяхъ, по спискамъ Археографическому, Троицкому и князя Оболенскаго, съ дополненіями и варіантами изъ другихъ списковъ, издалъ *В. Сергѣевичъ*, почетный членъ Историческаго Общества Нестора Лѣтописца. С.-Петербургъ. 1904 г.

Изданій Русской Правды, какъ извѣстно, существуетъ нѣсколько, но никоимъ образомъ нельзя сказать, что нежелательно появленіе новыхъ изданій этого важнаго и единственнаго въ своемъ родѣ русскаго юридическаго памятника, а потому и изданіе Русской Правды профессоромъ Сергѣевичемъ должно быть встрѣчено не только съ сочувствіемъ, но и съ благодарностью, тѣмъ болѣе, что оно отличается особенностями, выдѣляющими его изъ ряда всѣхъ предшествующихъ изданій. Изученіе Русской Правды по рукописямъ привело уважаемаго ученаго къ нѣкоторымъ новымъ взглядамъ на этотъ памятникъ. Онъ пришелъ къ убѣжденію, что, въ дѣйствительности, существуютъ не три, какъ принимали до сихъ поръ, а четыре редакціи Русской Правды. Такъ, профессоръ Сергѣевичъ признаетъ, что текстъ Русской Правды по Академическому (и Археографическому) спискамъ до записи: «Правда оуставлена Роуською земли, егда ся съвокоупилъ Изяславъ, Всеволодъ, Святославъ, Коснячко, Перенѣгъ, Микыфоръ Кыянинъ, Чюдинъ Микула»,—представляетъ одну редакцію, а послѣ этой записи—вторую, при чемъ запись относится, конечно, ко второй. Во вторыхъ, издатель изъ знакомства съ рукописями убѣдился, что дѣленіе Русской Правды на статьи встрѣчается уже въ самыхъ рукописяхъ, кромѣ заголовковъ: «Издатели рукописныхъ списковъ Правды, говоритъ профессоръ Сергѣевичъ, не обращаютъ вниманія на нѣкоторыя особенности рукописей, которыя имѣютъ свое значеніе. Я разумѣю буквы, писанныя киноварью». «Есть Кормчія, Мѣрила Праведныя, Лѣтописи, написанныя съ начала до конца въ одну строку». «У старыхъ писцовъ были свои способы расчлененія,—это киноварь. Гдѣ мы сдѣлали бы абзацъ, тамъ старый писецъ начинаетъ слово съ красной буквы». «Случается, что заголовки и красныя буквы приходятся съ новой строки: они пишутся въ этихъ случаяхъ не съ отступленіемъ вправо, а влѣво; такимъ образомъ, красная буква выступаетъ влѣво изъ ровнаго ряда черныхъ—лѣвой стороны страницы». «Писцы для киноварныхъ буквъ оставляли мѣсто и заполняли его послѣ, а иногда и забывали заполнить». Такими красными буквами различены въ лѣтописи и два списка Татищевской Правды. Особенно же яркое различіе сдѣлано въ Академическомъ спискѣ лѣтописи». «Лѣтописецъ, значитъ, хорошо понималъ,

что онъ вноситъ въ лѣтопись. Онъ вноситъ въ нее два совершенно различныхъ памятника. Первый *онъ* приписываетъ Ярославу, второй былъ уже раньше въ попавшемъ въ его руки документѣ, приписанъ его сыновьямъ».

Мы не можемъ въ нашемъ обзорѣ заниматься рѣшеніемъ какихъ либо вопросовъ и пускаться для этого въ изслѣдованія, которыя могли бы принять болѣе или менѣе обширные размѣры. Мы принуждены ограничиться лишь краткими, немногочисленными замѣчаніями ad hoc. Собственно говоря, въ отношеніи изданія Русской Правды не имѣетъ никакого значенія, признаемъ ли мы краткую (какъ думаютъ, древнѣйшую) Русскую Правду въ видѣ одной или въ двухъ редакціяхъ. Въ изданіи это повлечетъ лишь къ тому, что, признавая одну редакцію, мы напечатаемъ краткую Русскую Правду въ видѣ одного неразрывнаго текста, а признавая двѣ редакціи, напечатаемъ часть ея текста съ припиской «Изяславъ, Святославъ...» съ другой страницы. Такой или иной взглядъ на редакцію Русской Правды имѣетъ большой интересъ съ точки зрѣнія исторіи ея возникновенія и значенія этого памятника какъ законодательнаго кодекса. Позволимъ себѣ сдѣлать поэтому два—три замѣчанія. Списки краткой редакціи Русской Правды относятся къ XV ст. Является вопросъ: какой изъ переписчиковъ Правды первый приписалъ вторую половину ея текста сыновьямъ Ярослава? Если переписчикъ XV в. нашелъ это въ рукописи переписчика XIV в., то можно ли считать несомнѣннымъ, что и въ XI в., когда явилась запись о законодательной дѣятельности трехъ братьевъ, точно также считали эту вторую половину текста отдѣльнымъ юридическимъ памятникомъ. Если взять запись въ томъ видѣ, какъ она стоитъ въ Академическомъ и сродныхъ ему спискахъ, то или придется доказать, а это невозможно, что слѣдующія за записью статьи созданы или внесены въ Русскую Правду впервые братьями, а раньше ихъ въ ней не было, или эта запись Академическаго списка является безсмыслицей. Если мы признаемъ, что видъ записи Академическаго списка автентиченъ, то въ такомъ случаѣ мы должны признать, что кровавая месть являлась узаконенной и дѣйствующей во весь древнѣйшій періодъ Русской Исторіи, ибо у насъ не будетъ ни малѣйшаго указанія на ея отмѣну законодательнымъ путемъ. Всѣ статьи не только краткой, но и пространной редакціи, гдѣ говорится о штрафахъ и вознагражденіи за убитаго, должны въ такомъ случаѣ подразумѣвать «аще не будетъ мстяй». Мы знаемъ объ отмѣнѣ кровавой мести только изъ этой за-

писи, которая должна была необходимо явиться, потому что устное постановленіе съѣхавшихся князей не имѣло бы ни малѣйшаго значенія. Эта запись сдѣлана не для того, чтобы сказать, что князья съѣхались и создали новую Русскую Правду, а для того, чтобы постановленіе новое получило съ этого момента силу обязательнаго закона. Вся суть лежитъ во второй половинѣ записи (которая въ Академическомъ спискѣ отсутствуетъ), а не въ первой (которая въ немъ есть). Возьмемъ параллельно эту запись по Академическому списку и по Троицкому:

Академическій.	Троицкій.
[Правда уставлена Руской земли, егда] ся совокупилъ Изяславъ, Всеволодъ, Святославъ, Коснячько, Перенѣгъ, *Микыфоръ Кыянинъ*, Чюдинъ Микула.	По Ярославѣ же пакы совъкоупившеся сынове его: Изяславъ, Святославъ, Всеволодъ и моужи ихъ: Коснячько, Перенѣгъ, Никифоръ, *и отложижа оубіеніе за голову, но коунами ся выкоупати.*

Когда и почему отпала вторая половина записи, половина, составляющая суть записи, половина, для которой и съѣхались князья съ своими боярами,—когда и почему она отпала, мы не знаемъ. Можетъ быть, отпала потому же, почему отпадали вообще въ рукописяхъ цѣлыя мѣста, по небрежности переписчиковъ, по ветхости рукописей, не дававшей возможности разобрать данпаго мѣста и т. д. Нѣтъ никакой возможности допустить, чтобы кто-нибудь даже въ XIV, въ XV в. сознательно выкинулъ вторую (курсивную) часть записи, ибо въ ней суть, въ ней законъ. Это выпаденіе произошло случайно. Какой и когда первый переписчикъ не замѣтилъ, или не прочелъ, эту вторую половину записи, сказать нельзя. Онъ съумѣлъ или могъ разобрать только: «...совъкоупившеся... Изяславъ, Святославъ, Всеволодъ, Коснячко, Перенѣгъ, Никифоръ Кыянинъ, Чюдинъ Микула...» Курсивной части записи уже не было. Переписчикъ задумался и результатомъ его соображеній явился домыслъ, что они составили новую Правду, какъ Ярославъ составилъ Правду, которую переписчикъ уже только-что переписалъ: съѣхались и составили Правду. Добравшись до такого умозаключенія, переписчикъ приставилъ къ записи свое начало: «Правда уставлена Руской земли, егда ся совокупилъ...» и проч. Такимъ образомъ, запись Академическаго списка есть псковерканная запись Изяслава, Святослава и Всеволода и ни о какой новой редакціи Русской Правды не говоритъ. Не найдя полной записи братьевъ, придавъ ей

неправильный смыслъ по своимъ соображеніямъ, этотъ какой-то переписчикъ какого-то вѣка или не пашелъ совсѣмъ, или принужденъ былъ выкинуть, чтобы не противорѣчить себѣ, слѣдующее замѣчаніе, существующее въ другихъ спискахъ, а именно: «...и іно все якоже Ярославъ судилъ, такоже і сынове его оуставиша». Вся, цѣликомъ взятая, запись рисуетъ ясно, что дѣлали Изяславъ, Святославъ и Всеволодъ, собравшись въ Вышгородѣ. Они пересмотрѣли Правду Ярослава, сдѣлали новое постановленіе о кровавой мести, приказали внести его въ текстъ Русской Правды, оставивъ всѣ статьи Ярославовой Правды безъ измѣненія. Да, это можно назвать новой редакціей Правды, ибо она была пересмотрѣна, къ ней добавлена важная статья, можетъ быть, еще двѣ-три статьи, но сказать, что эта новая редакція начиналась только съ записи нельзя, потому что въ новую редакцію были внесены всѣ статьи старой редакціи, даже статья о кровавой мести, хотя послѣдняя и была теперь отмѣнена. Это было, правильнѣе говоря, новое просмотрѣнное, немного измѣненное, немного дополненное, изданіе, но не новая редакція въ принятомъ смыслѣ этого слова. Въ новомъ изданіи сохранено и все старое, и разобраться, гдѣ новое, и гдѣ старое, кромѣ постановленія объ отмѣнѣ кровавой мести, нѣтъ никакой возможности. Если бы мы могли точно указать добавочныя статьи, то въ такомъ случаѣ мы имѣли бы право напечатать Правду Ярослава и назвать ее I-й редакціей Правды; затѣмъ напечатать опять *всю* Ярославову Правду, принятую Ярославичами безъ измѣненія, и статьи Ярославичей, и это была бы II-я редакція Правды. Въ изданіи же профессора Сергѣевича читатель, незнакомый съ дѣломъ, можетъ быть введенъ въ жестокое заблужденіе: онъ долженъ будетъ прійти къ заключенію, что II-я редакція начиналась только со статьи: «Аще убиютъ огнищанина...» и совсѣмъ не имѣла статей ни о 40-гривенной вирѣ, ни о челядинѣ, ни о чужомъ конѣ и т. д. Читатель, пользующійся изданіемъ уважаемаго ученаго, можетъ вывести заключеніе, что всѣ перечисленныя и другія статьи Ярославовой Правды его сыновьями отмѣнены, а когда дойдетъ до пространныхъ списковъ, то можетъ сказать: такъ какъ Правда сыновей Ярослава не отвѣчала на массу юридическихъ случаевъ, то послѣдующіе князья снова обратились къ оставленной было Правдѣ Ярослава и внесли въ новыя изданія Правды частью въ измѣненномъ, частью въ неизмѣненномъ видѣ статьи Ярослава. То, что профессоръ Сергѣевичъ называетъ *II-й редакціей Правды есть только часть этой редакціи,* вторая ея половина.—Нельзя не

пожалѣть, скажемъ къ слову, что самая древняя редакція Русской Правды (списокъ Академическій и сродные) дошла до насъ въ такомъ искаженномъ, испорченномъ видѣ. Древность этой редакціи такъ ясно выступаетъ хотя бы въ словѣ *скотъ* въ смыслѣ *деньги*. Она интересна и указаніемъ, гдѣ собрались братья для пересмотра Русской Правды, и гдѣ сдѣлано такое важное постановленіе, какъ отмѣна кровавой мести. Сколько намъ помнится, на мѣсто съѣзда князей не было еще никѣмъ обращено вниманія. Намъ кажется, что по одному намеку въ записи краткой редакціи Русской Правды можно опредѣлить и мѣсто, и время этого важнаго факта. Въ пространныхъ спискахъ при Изяславѣ, Святославѣ и Всеволодѣ указаны и три ихъ боярина: Коснячко, Перепѣгъ, и Никифоръ. Четвертое боярское имя забыто. Микула Чудинъ,—четвертый, очевидно, не былъ уже ближнимъ княжескимъ боярином, а былъ приглашенъ на совѣщаніе по какому-либо особому обстоятельству. Очевидно, здѣсь Микула—имя, а Чудинъ—прозвище. Мы знаемъ этого Чудина. Это былъ Вышегородскій посадникъ, упоминаемый лѣтописью вмѣстѣ съ Лазоремъ, протоіереемъ Вышегородской церкви (Ипатьев. Лѣтоп., стр. 128; Сказаніе Іакова Мниха, Успенскій Сборникъ XII в., стр. 36). Какъ показываетъ прозвище *Чудинъ*, Микула былъ нерусскаго происхожденія, а переселенецъ или *сынъ* переселенца изъ Чуди, которыхъ переводилъ на югъ еще Владиміръ Св. (Ипатьев. Лѣтоп., стр. 83). Этотъ Чудинъ, очевидно, уже ославянился, былъ христіанинъ. Микула было его христіанское имя, но должно было быть у него и имя славянское языческое. Мы едва ли ошибемся, если отождествимъ его съ боярином, упоминаемомъ опять таки Іаковомъ Мнихомъ: «и бяше человѣкъ Вышегородѣ старѣйшина огородьникомъ, зовомъ же бяше Жьданъ по мирьскоуоумоу, а въ хрьщении Никола и творяше праздьньство святооумоу Николѣ...» (Успенскій Сборникъ, стр. 32). Такимъ образомъ Микула—Жданъ Чудинъ былъ начальникъ городничихъ, сказать по нашему, инженеръ и комендантъ Вышегорода. На совѣщаніе онъ былъ приглашенъ потому, что князья собрались въ Вышегородѣ, какъ человѣкъ, занимавшій важную должность въ городѣ. Просматривая лѣтопись, мы не находимъ со времени смерти Ярослава (1054 г.) ни одного болѣе подходящаго для мирной законодательной работы момента, какъ 1072 годъ, когда братья съѣхались въ Вышегородъ для перенесенія мощей свв. Бориса и Глѣба въ новую церковь. Братья собрались вмѣстѣ не разъ, но всегда съ спеціальными цѣлями, по бо̀льшей части военными. Единственный еще

годъ, съ которымъ можетъ быть связано постановленіе объ отмѣнѣ кровавой мести, это 1059, когда братья высадили изъ поруба своего дядю, Судислава, но съѣзжались ли они для обсужденія этого мѣропріятія или только обослались, на это нѣтъ указаній. Вѣрнѣе всего предположить, какъ мнѣ кажется, что братья именно въ 1072 году довершили торжество перенесенія мощей своихъ дядей-мучениковъ отмѣной того языческаго института, который, можетъ быть, былъ причиной ихъ мученической кончины. Какъ бы ни было, но отмѣна кровавой мести именно въ Вышегородѣ намъ кажется вполнѣ вѣроятной. Такимъ образомъ, какой-то писецъ въ какомъ-то вѣкѣ испортилъ запись XI в., а послѣдующіе пустили въ ходъ свою логику и создали новую запись, не имѣющую смысла. Мы готовы думать, что утеря второй половины записи произошла случайно, а выпускъ приписки. «а іно все якоже Ярославъ судилъ...» сдѣлано умышленно именно Новгородцемъ, которому мы приписываемъ и искаженіе первой статьи Правды, считая его также умышленнымъ. Что̀ касается III-й и IV редакцій Правды, то мы не можемъ согласиться съ основаніемъ, на которомъ зиждетъ уважаемый издатель свое дѣленіе: «третью редакцію составитъ пространная Правда, а четвертую — средняя по величинѣ». Это—чисто внѣшніе признаки, которыми необходимо, однако же, руководиться за невозможностью имѣть пока другихъ. Дѣленіе Калачева списковъ Русской Правды на фамиліи также основывается на чисто внѣшнихъ признакахъ: одинаковости изложенія статей, на бо̀льшемъ или меньшемъ ихъ числѣ, на прибавленіи нѣсколькихъ новыхъ статей или на уменьшеніи статей. Оперируя только надъ изданными списками, мы не можемъ высказывать категорически даже предположеній, но позволимъ себѣ высказать два-три предположенія гипотетическихъ. Не слѣдуетъ ли видѣть двухъ редакцій *(пространныхъ)* списковъ Русской Правды, изъ которыхъ въ одну редакцію войдутъ списки, соединенные съ Кормчими, въ другую—списки Мѣрила Праведнаго? Нельзя ли найти для этого указаній, хотя бы очень немногочисленныхъ, въ изложеніи статей и ихъ группировкѣ? Само собою разумѣется, на протяженіи всего до-монгольскаго періода нашей исторіи Русская Правда пересматривалась князьями, дополнялась новыми статьями, претерпѣвала нѣкоторыя измѣненія въ отдѣльныхъ своихъ статьяхъ въ смыслѣ ихъ расширенія, какъ это имѣло мѣсто въ Вышегородѣ. Но наши князья не измѣняли внѣшняго вида памятника и не издавали его отъ своего имени, какъ новый законодательный актъ: они приказывали

списывать въ ихъ Правду, старую Правду: и Правду Ярослава съ его именемъ, и добавленіе Изяслава, Святослава и Всеволода съ ихъ записью, и Берестовское постановленіе Владиміра Мономаха съ сохраненіемъ именъ всѣхъ участниковъ съѣзда въ Берестовѣ въ 1113 году. Такъ являлась и такова была каждая новая редакція Русской Правды. Мы можемъ утвердительно говорить о трехъ редакціяхъ: Ярославльской (Ярослава), Вышегородской (1072 г.?) и Берестовской (1113 г.), но ни одна изъ этихъ редакцій въ отдѣльности до насъ не дошла, а мы имѣемъ какую-то позднѣйшую редакцію, въ которой слиты всѣ три указанныя и другія предыдущія редакціи, при томъ слитыя не потому, что подъ руками послѣднихъ редакторовъ были редакція Ярослава, редакція Вышегородская (Ярослава + дополненія Ярославичей), редакція Берестовская (Ярослава и Ярославичей + дополненія Владиміра М.), какъ три отдѣльныхъ юридическихъ акта, а потому что въ рукахъ этихъ послѣднихъ редакторовъ была уже редакція, какъ нѣчто цѣлое, но частямъ не различимое, которое равнялось суммѣ: Правда Ярослава + дополненія Ярославичей + дополненія Владиміра М. + дополненія еще кого-то и т. д. Таковы оффиціальныя редакціи Русской Правды, изъ которыхъ, повторяемъ, до насъ дошла какая-то, чья-то, послѣдняя редакція и редакція Вышегородская. Ни Ярославовой, ни Берестовской, ни другихъ, бывшихъ послѣ нихъ редакцій, какъ отдѣльныхъ актовъ, въ отдѣльномъ видѣ, до насъ не дошло. Но кромѣ оффиціальныхъ редакцій, записанныхъ и хранившихся въ канцеляріяхъ князей, переписывавшихся тутъ же для княжихъ судей, посадниковъ и проч., могли явиться и редакціи другого сорта, — редакціи частнаго происхожденія. Русская Правда охватывала своими статьями русскую жизнь того времени, можетъ быть, за немногими исключеніями, со всѣхъ сторонъ; въ ней находили защиту частные интересы самыхъ разнообразныхъ лицъ, начиная съ боярина и кончая закупомъ. Нѣтъ ничего сомнительнаго въ томъ, что и купецъ, и гость, и землевладѣлецъ-бояринъ, и экономъ монастыря и т. д. желали имѣть для огражденія нѣкоторыхъ своихъ интересовъ копіи съ оригинала Русской Правды; списывали, конечно, болѣе тщательно то, что болѣе интересовало, кое какъ набрасывали или пропускали то, что не было нужно для даннаго лица, при нѣкоторой поспѣшности сокращали оригиналъ или перевирали его, а если дѣло было гдѣ-нибудь въ захолустьѣ, то и сознательно измѣняли текстъ статьи, можетъ быть, не безъ вѣдома мѣстнаго тіуна. Мнѣ кажется, что порча статей о закупахъ есть ре-

зультатъ сознательнаго акта поддѣлки. Можно было бы указать еще кое-какіе примѣры подобнаго же рода. Такъ создавались въ огромномъ количествѣ новые списки Русской Правды, новыя ея редакціи частнаго происхожденія. Что же до насъ дошло? Оффиціальные ли списки Русской Правды (Вышегородской и какой-то послѣдней редакціи) или списки неоффиціальныхъ редакцій? Можемъ ли мы сказать, что списки Русской Правды, помѣщенные при Кормчихъ ведутъ свою генеалогію прямо отъ древнѣйшихъ оффиціальныхъ списковъ? Казалось бы, что это можно сказать, по крайней мѣрѣ, о Синодальномъ спискѣ Русской Правды, соединенномъ съ Новгородской Кормчей конца XIII ст., вслѣдствіе надписанія, гласящаго, что этотъ списокъ былъ списанъ съ какого-то древнѣйшаго, «повѣлѣнiемь благовѣрнаго князя Новъгородьского Дмитрія...» (Русскія Достопамятности, I, 19), но встрѣчающіяся и въ этомъ спискѣ искаженія статей внушаютъ подозрѣнія относительно его генеалогіи. По всей вѣроятности, татарскій погромъ, когда горѣли княжескіе терема съ ихъ библіотеками, горѣли церкви съ хранившимися въ нихъ рукописями, уничтожилъ древніе оффиціальные списки и потомъ приходилось отыскивать по частнымъ рукамъ сохранившіяся случайно рукописи Правды. Если это такъ, то дѣленіе пространныхъ списковъ на редакціи не имѣетъ основанія: все это списки частныхъ лицъ съ какихъ-то частныхъ же списковъ съ послѣдней редакціи Русской Правды. Выдѣленіе списка князя Оболенскаго и ему сродныхъ въ отдѣльную IV редакцію намъ кажется абсолютно невѣрнымъ. Списокъ князя Оболенскаго есть такой же пространный списокъ, какъ Синодальный, Троицкій и др., только сильно искаженный, испорченный и, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, не безъ умысла. Такія выраженія, какъ:
«...разсудити *по мужи смотря*...» (ст. I)
«...продажа за безчестіе, *каковъ будетъ*...» (II)
«...то *по ихъ пути* платити... а виноватый въ продажѣ, *во что обложатъ*...» (IV, по изд. Калачева 1847 г.), эти выраженія отдавали подсудимаго на полный произволъ судящаго. Списокъ Карамзинскій, также пространный, относимый къ III редакціи, тоже принадлежалъ частному лицу. Собственникъ его, несомнѣнно, богатый человѣкъ, принадлежавшій къ числу тѣхъ, которые отдавали «куны въ рѣзъ, медъ въ наставъ, жито въ присопъ», а также продававшій и скотину въ долгъ. Ему нужно было имѣть подъ руками списокъ Русской Правды для своихъ дѣлишекъ, а чтобы не производить каждый разъ подсчета процентовъ, онъ вычислилъ ихъ и приказалъ нанятому имъ перепис-

чику (если самъ не умѣлъ писать) вписать ихъ въ изготовлявшійся для него списокъ. Итакъ мы думаемъ, что мы имѣемъ лишь частные списки Русской Правды. Въ нихъ, въ этихъ искаженныхъ умышленно и неумышленно, частныхъ спискахъ заключена послѣдняя, неизвѣстно когда совершенная, редакція Русской Правды. Какъ послѣдняя, она заключала въ себѣ всѣ статьи, имѣющіяся въ дошедшихъ до насъ пространныхъ спискахъ. Тѣ статьи (ихъ ничтожное количество), которыя своимъ содержаніемъ указываютъ на позднее ихъ происхожденіе, только тѣ статьи должны быть отброшены, какъ не принадлежащія послѣдней древней редакціи. Мы имѣемъ право, такимъ образомъ, издать лишь двѣ редакціи Русской Правды: Вышегородскую и какую-то послѣднюю, ибо ни Ярославская, ни Берестовская, ни слѣдующія за ней, кромѣ послѣдней, до насъ не дошли. Имѣетъ интересъ и изданіе отдѣльныхъ пространныхъ списковъ Правды, но безъ приданія ихъ группамъ значенія редакцій Русской Правды. Редакціи Русской Правды это—одно, а редакціи (группы) списковъ Русской Правды это—совершенно другое.

Другая особенность изданія профессора Сергѣевича заключается въ дѣленіи текста на статьи. Уважаемый ученый признаетъ дѣленіе на статьи необходимымъ, но считаетъ основательно, что изданіе Правды съ неправильнымъ дѣленіемъ гораздо болѣе вредно, чѣмъ изданіе безъ всякаго дѣленія. «Я буду, говоритъ издатель, держаться такого правила: каждая отдѣльная мысль должна быть выражена въ особой статьѣ; то, что̀ говорится въ ея развитіи, можетъ войти въ ту же статью. Въ спискахъ Правды, нерѣдко, разныя статьи соединяются союзами „*а*“ и „*но*“. Признакомъ единства статьи я буду считать не эти союзы, нерѣдко стоящіе не на мѣстѣ, а дѣйствительное единство мысли. Слѣдуя этому правилу мнѣ придется многія статьи нынѣ принятаго дѣленія раздѣлить, а нѣкоторыя соединить».

Заняло бы очень много мѣста въ нашемъ обзорѣ, если бы мы захотѣли просмотрѣть всѣ статьи Русской Правды въ изданіи профессора Сергѣевича. Несомнѣнно, въ бо̀льшей части случаевъ надо признать новое дѣленіе статей удачнымъ, болѣе удачнымъ, чѣмъ въ другихъ изданіяхъ. Безусловно дѣленіе статей профессора Сергѣевича облегчаетъ для начинающаго заниматься Русской Правдой пониманіе самаго текста. Какъ выпуклый примѣръ, самъ уважаемый издатель приводитъ въ своемъ предисловіи двѣ статьи Правды по Академическому списку, именно 33 и 34. 33-я статья гласитъ: «а иже межу переореть любо перетесъ, то за обиду 12 гривнѣ».

Статья 34-я. «А оже ладью украдеть, то за ладью платити 30 рѣзанъ, а продажи 60 рѣзанъ».

По объекту дѣйствія это совершенно разныя статьи, но является вопросъ: развѣ правонарушеніе 33-й статьи не наказывалось продажей, а влекло только удовлетвореніе потерпѣвшаго. Такъ и можетъ быть понята эта статья. Но очевидно, что продажа, какъ наказаніе, должна была слѣдовать за каждымъ преступленіемъ. Стало быть, законодатель не хотѣлъ только дважды рядомъ повторять одну и ту же продажу въ 60 рѣзанъ, относя ее къ обоимъ юридическимъ случаямъ. Слѣдовательно, для ясности пониманія, мы можемъ соединить эти обѣ статьи въ одну, вслѣдствіе чего читающій пойметь, что продажа относится ко всѣмъ указаннымъ въ ней казусамъ. Но понятно, что при раздѣленіи статей или соединеніи ихъ все основывается на пониманіи такомъ или иномъ этихъ статей самимъ издателемъ. Могутъ явиться и простые, какъ намъ кажется, недосмотры. Напр., по аналогіи со указанными статьями 33 и 34-й Академическаго списка, должны быть соединены въ одну и статьи 39 и 40.

39-я статья: «Оже сѣно крадоуть, то 9 коупъ; а въ дровехъ 9 коунъ». Продажи не указано.

40-я статья: «Аже оукрадоуть овъцоу или козоу или свинью, а ихъ боудеть 10 одоноу овьцоу оукралѣ, да положатъ по 60 рѣзанъ *продажи*» (по изд. Калачева, стр. 4).

Является вопросъ, относится ли эта самая продажа и къ предыдущей статьѣ или нѣтъ. Вѣдь, неопытный читатель можетъ подумать, что за покражу сѣна и дровъ продажи не полагается. Слѣдовательно, необходимо было соединить и эти двѣ главы въ одну. Изданіе памятника должно удовлетворять не одной только цѣли лучшаго пониманія его, но удобство пользованія имъ при научныхъ работахъ. Мнѣ кажется, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ уважаемый издатель новымъ дѣленіемъ статей затруднитъ и новичка въ пониманіи, и ученаго въ его ссылкахъ на Русскую Правду. Чтобы легче понимать статью и удобнѣе ссылаться на нее, каждая статья должна заключать въ себѣ полноту текста, т. е., должна дать возможность понять себя само по себѣ. Это требованіе юридической точности, чтобы каждая статья заключала въ себѣ субъектъ, дѣйствіе, объектъ и рѣшеніе, съ указаніемъ и необходимыхъ обстоятельствъ, безъ которыхъ теряется смыслъ статьи. Соединять статьи и раздѣлять ихъ можно только при сохраненіи этой

юридической точности. Можно ли сослаться въ ученомъ трудѣ на статью 70, которая въ изданіи профессора Сергѣевича гласитъ:

«Аже кто много рѣза ималъ, не імати тому»?

Чего «не імати»? Когда «не імати»? Очевидно, вмѣсто одной, придется сослаться на статьи 68, 69 и 70, ибо онѣ составляютъ органическое цѣлое, и послѣднія двѣ въ отдѣльности взятыя совершенно непонятны.

Невозможно также раздѣлять 50-ю статью Калачевскаго изданія на двѣ (67-ю и 68-ю), какъ это дѣлаетъ профессоръ Сергѣевичъ. Прочтите статью 68-ю.

«Аже-ли пропиеться, или пробиеться, а въ безумьи товаръ испортитъ, то како любо тѣмъ, что то товаръ: ждуть-ли ему, а своя імъ воля, продадять-ли, а своя имъ воля».

Кто пропьется? закупъ или холопъ, котораго послали торговать, бояринъ (они, вѣдь, тоже торговали)? Если говорить о лучшемъ пониманіи, то слѣдуетъ разумѣть пониманіе каждой отдѣльной статьи. Статью 68-ю нельзя понять въ отдѣльности, а для этого необходимо прочесть стастью 67, а потомъ уже эту 68-ю, то есть, *весь текстъ* статьи 50-й (Калачева), а стало быть, зачѣмъ было ее раздѣлять. Такихъ мѣстъ, гдѣ съ раздѣленіемъ вполнѣ ясной статьи получались новыя, совсѣмъ не понятныя, можно было бы указать нѣсколько.

—

А. В. Лонгиновъ.: Мирные договоры Русскихъ съ Греками, заключенные въ X вѣкѣ. Историко-юридическое изслѣдованіе. Одесса. 1904.

Нельзя не признать труда г. Лонгинова трудомъ почтеннымъ по количеству собраннаго имъ и пущеннаго въ оборотъ историческаго матеріала. Онъ распадается на четыре главы. Первую главу надо признать вводной и въ большинствѣ содержанія прямо къ вопросу не относящейся. Вотъ ея рубрики: «Общая характеристика занесенныхъ въ лѣтопись договорныхъ грамотъ X в. Религіозная основа мирныхъ договоровъ, Русскій національный элементъ договоровъ. Значеніе ихъ въ вопросѣ о возникновеніи и развитіи Русскаго государства. Сопоставленіе договорнаго матеріала съ лѣтописнымъ разсказомъ о призваніи чудско-славянскими племенами варяго-русскихъ князей и съ преданіями разныхъ народовъ. Оцѣнка свѣдѣній, сообщаемыхъ о Руси императоромъ Константиномъ Порфиророднымъ и арабскими писателями. *Родство варяго-руссовъ съ Рутенами Галліи.* Вліяніе на Русь греко-римской культуры. Важность договорныхъ грамотъ, какъ памят-

никовъ литературныхъ. Взглядъ лѣтописца на договорную практику въ X в. Процедура заключенія договоровъ русскихъ съ греками. Обозрѣніе текста договорныхъ актовъ. Причины разночтеній въ ихъ спискахъ».—Какъ видимъ, въ своей I главѣ почтенный авторъ останавливается на такихъ вопросахъ, которые совершенно выходятъ изъ его компетенціи, какъ юриста, и стоятъ внѣ круга исторіко-юридическаго изслѣдованія. Интересъ читателя возбуждается со второй главы труда А. В. Лонгинова, гдѣ онъ приступаетъ прямо къ изученію самыхъ договоровъ. Нечего и говорить, что вся, относящаяся къ договорамъ Русскихъ съ Греками, литература тщательно имъ изучена. Во многихъ вопросахъ онъ не соглашается съ своими предшественниками. Съ его взглядами, по крайней мѣрѣ, нѣкоторыми, можно спорить, но во всякомъ случаѣ ихъ надо признать въ иныхъ случаяхъ весьма интересными. Мы не можемъ послѣдовательно излагать каждый разъ ходъ доказательствъ автора, и потому укажемъ только въ отдѣльности каждое его положеніе, которое мы считаемъ интереснымъ въ научномъ отношеніи. Мы не можемъ признать удачнымъ сдѣланное г. Лонгиновымъ измѣненіе текста договора 912 г.: «на утвержепье-же и неподвиженіе быти межи вами, хрестьяны, и русью бывшій миръ сотворихомъ и ва новымъ написаніемъ (въ текстѣ: ивановымъ написаніемъ) на двою харатью, царя вашего и своею рукою...» Думаемъ, что толкованіе Лавровскаго пока должно быть оставлено въ прежней силѣ. Другое совсѣмъ, когда авторъ цѣлымъ рядомъ примѣровъ изъ дипломатической исторіи Византіи и другихъ народовъ и сличеніемъ текста договоровъ приходитъ къ интересному и, по нашему мнѣнію, вѣрному заключенію, что «несомнѣнно, существовали между Греками и Русью еще болѣе отдаленныя по времени, чѣмъ договоръ 907 года, докончанія». Скажемъ только, что въ настоящее время, при современномъ состояніи варяжскаго вопроса и послѣ объясненія, сдѣланнаго французскимъ оріенталистомъ Рейно, арабское извѣстіе о нападеніи Норманновъ на Севилью тутъ совсѣмъ не при чемъ, да и хронику Пруденція тоже надо бы оставить до времени въ покоѣ. Нѣкоторыхъ изслѣдователей приводило въ смущеніе выраженіе договора Олега 912 года: «..,многажды право судихомъ, *но точью простословесемъ*, и писаниемъ и клятвою твердою клепьшеся оружьемъ своимъ...» (Ипатьев. л., 19). Но въ Лаврентьевской лѣтописи стоитъ «*не точью просто словесемъ...*» (32). Смыслъ текста самъ указываетъ на правильность Лаврентьевской лѣтописи. Но А. В. Лонгиновъ недоволенъ и такимъ

варіантомъ, а видоизмѣняетъ его, по нашему мнѣнію, искусственно такимъ образомъ: «не точію просто словесе, нъ и писаніемъ...» (86). Для вопроса о томъ, были или не были раньше заключаемы между Русью и Греками письменные договоры, такое искаженіе текста совершенно не нужно, а основывающееся на этомъ дальнѣйшее развитіе мыслей почтеннаго автора не имѣетъ доказательной силы. Вообще трудъ автора страдаетъ отъ безсистемности изложенія, получающейся отъ непрерывныхъ экскурсій въ сторону всякихъ историческихъ и этнографическихъ вопросовъ, которые нельзя даже назвать входящими вопросами, а вопросовъ, прямо къ дѣлу не относящихся. Чтобы не быть голословнымъ, вотъ вкратцѣ ходъ изслѣдованія уважаемаго юриста съ 90 стр. Святославъ посылаетъ къ Цимисхію пословъ съ заявленіемъ о желаніи заключить миръ. Объясняется скромность Святослава, назвавшаго себя не великимъ княземъ, а просто княземъ. Затѣмъ говорится, что лѣтописецъ зналъ о ходѣ переговоровъ и указывается, что героическіе подвиги Святослава сохранились не только въ лѣтописи, но вспоминается митрополитъ Иларіонъ, Даніилъ заточникъ, Слово о Полку Игоревѣ,—на это тратится цѣлая большая страница. Затѣмъ говорится о переговорахъ Святослава съ Цимисхіемъ по византійскимъ источникамъ. Мы не видимъ ни критики лѣтописнаго разсказа, ни показаній Льва Діакона, но за то находимъ большой экскурсъ въ вопросъ о построеніи Саркела и о запискѣ такъ называемаго Готскаго нюпарха, при чемъ уважаемый авторъ пользуется трудами Васильевскаго и Успенскаго, признавая выводы перваго. Разсказъ лѣтописи, что Святославъ, получивъ подарки отъ Цимисхія, сталъ цѣловать ихъ, или царя (вѣрнѣе ихъ), даетъ возможность изслѣдователю опять уклониться отъ темы, чтобы обозрѣть, гдѣ и когда, и въ какихъ памятникахъ, упоминается «поцѣлуй мира»; и кончается этотъ экскурсъ упоминаніемъ о Печенѣжскомъ князѣ, который подарилъ воеводѣ Претичу оружіе, очевидно, вмѣсто поцѣлуя мира. Очень много интересныхъ замѣчаній высказано, много интересныхъ фактовъ выдвинуто А. В. Лонгиновымъ въ его кропотливомъ трудѣ, хотя бы мы не всѣ ихъ признавали вѣрными и нужными, но мы не можемъ не упрекнуть почтеннаго автора въ неправильности метода изслѣдованія и несистематичности изложенія его труда.

—

С. К. Кузнецовъ. Культъ умершихъ и загробныя вѣрованія Черемисъ. Выпускъ первый. М. 1905.

Извѣстно, какая тѣсная связь существуетъ между исторіей и этнографіей, и какъ историкъ находитъ иногда у этнографа объясненіе для явленій давнопрошедшей жизни народа въ культурныхъ переживаньяхъ, и какъ наоборотъ этнографъ у историка получаетъ данныя для уразумѣнія непонятныхъ чертъ въ современномъ бытѣ. Извѣстно, какъ одно мѣсто разсказа лѣтописи подъ 1071 г. о мятежѣ въ Суздальской землѣ было уяснено существовавшимъ въ недавнее время, а можетъ теперь существующимъ, обычаемъ у Мордвы. Нельзя сказать, чтобы о Черемисахъ не было ничего писано раньше. О нихъ раньше писали: Артемьевъ, Залѣсскій, Семеновъ, Вишневскій, Знаменскій, Смирновъ, Самаряновъ и др. Какъ извѣстно, высказывалось предположеніе, что древнее исчезнувшее племя Меря и Черемись въ глубокой древности составляли одно племя, а въ Исторіи о Казанскомъ царствѣ прямо даже указывается, что «Черемись, зовомыя Отяки, тое-же глаголется Ростовская чернь...». Это загадочное мѣсто однако же вполнѣ гармонируетъ съ указаніемъ Житія св. Авраамія Ростовскаго о чудскомъ населеніи еще цѣлаго конца въ Ростовѣ въ X—XI вв. Существуетъ такое мнѣніе, что Черемисовъ слѣдуетъ подразумѣвать и подъ Remmiskans, о которыхъ упоминаетъ Іорданъ въ XI в. (De Getarum-sive Gotorum origine et rebus gestis, p. 89 — 90). Таковъ взглядъ, напр., Томашека (Ethnologisch-linguistische Forschungen über den Osten Europa's, Ausland, 1883, № 36, s. 703). Вѣрованія Черемисъ, юридическіе ихъ обычаи, историческія преданія, въ связи съ археологическими показаніями, могутъ пролить много свѣта на исторію славянской колонизаціи и допсторическую этнографію верхняго и средняго Поволжья, а равно и на исторію Суздальской земли. Г. Кузнецовъ сообщаетъ очень много интересныхъ данныхъ вообще о религіозныхъ вѣрованіяхъ Черемисъ, дополняя и иногда поправляя своихъ предшественниковъ. Особенно важно то обстоятельство, что почтенный авторъ сообщаетъ вездѣ свои личныя наблюденія. «Сводя свои наблюденія въ одно цѣлое, я не могъ, говоритъ авторъ, не обратить вниманія на сходство нѣкоторыхъ деталей въ погребальныхъ обрядахъ, культѣ умершихъ и загробныхъ вѣрованіяхъ Черемисъ съ подобными же обрядами и вѣрованіями у народовъ финской, тюркской и арійской вѣтви. Разсмотрѣнію этихъ аналогій будетъ посвящена слѣдую-

щая глава». Съ большимъ интересомъ будемъ ждать эту главу, которая явится, собственно говоря, отдѣльнымъ изслѣдованіемъ.

—

Кузнецовъ. Поѣздка къ древней Черемисской святынѣ, извѣстной со временъ Олеарія. М. 1905 г.

Въ предыдущемъ трудѣ своемъ г. Кузнецовъ говоритъ о вѣрованіи Черемисъ въ грозное божество Чумбулата. Приводится легенда о происхожденіи этого почитанія и дается описаніе Чумбулатова жертвенника. Интересна довольно подробно изложенная исторія распространенія христіанства среди Черемисъ въ первой половинѣ XIX столѣтія.

—

Болсуновскій, К. В. Автономныя монеты Галицкой Руси XIV — XV ст. Кіевъ. 1905 г.

Авторъ сообщаетъ о найденныхъ, или лучше пріобрѣтенныхъ, имъ монетахъ Галицкой Руси XIV и XV в., чеканенныхъ при Людовикѣ Венгерскомъ и Владиславѣ Ягеллѣ. Кромѣ того въ пріобрѣтенной коллекціи оказалось еще 5 монетъ хана Тохтамыша, битыхъ въ Крыму. Указавъ на слабое изученіе галицкой нумизматики, г. Болсуновскій перечисляетъ нумизматическіе труды Ступницкаго, Пекосинскаго, Уляницкаго и затѣмъ переходитъ къ вопросу о гербѣ Львовскаго удѣла. Необходимо указать небольшую неточность въ выраженіи: она заключается въ словѣ «удѣлъ». Были ли гербы у каждаго удѣла древней Руси, мы сказать не можемъ. Мы знаемъ, что каждый городъ имѣлъ своего святого покровителя или святыню покровительницу, если признать, что особенно уважаемый святой или особенно чтимая святыня считались въ то же время и защитой города. Новгородъ В. стоялъ за святую Софію, Псковичъ готовъ былъ умереть за святую Троицу и затѣмъ считалъ своимъ защитникомъ св. князя Всеволода-Гавріила. Можно предполагать, что съ давнихъ временъ Кіевляне считали защитникомъ своего города Архистратига Михаила, но мы не можемъ утверждать, что въ дотатарскій періодъ у насъ были особые гербы не только для удѣловъ, но и для городовъ. Поэтому кажется намъ, что левъ, какъ гербъ г. Львова или галицкой земли, есть гербъ не русскаго происхожденія, а уже позднѣйшей эпохи, т. е. явился послѣ 1340 года, по крайней мѣрѣ. Самъ уважаемый авторъ приводитъ извѣстный фактъ, что на пулахъ (нѣкоторыхъ) тверскихъ

и суздальскихъ находится изображеніе льва. Это обстоятельство ясно указываетъ, что мы здѣсь имѣемъ дѣло не съ гербомъ, а съ орнаментомъ или простой эмблемой силы. Къ тому же мы знаемъ, что въ гербѣ Москвы вслѣдъ затѣмъ является св. Георгій Побѣдоносецъ. Точно также нѣтъ прочныхъ данныхъ для обоснованія положенія, что Левенбургъ основанъ купцами Галицкаго Львова, и что послѣдній возникъ гораздо раньше перваго. Возможно, конечно, что Львовъ, какъ поселеніе, существовалъ раньше, чѣмъ онъ появляется подъ этимъ именемъ въ исторіи, полученнымъ въ честь сына Даніила, Льва, но болѣе ранняго имени его мы не знаемъ, и во всякомъ случаѣ оно было не Львовъ, а слѣдовательно и о преемственности имени Левенбурга отъ Львова нѣтъ основанія заключать. Очевидно, гербъ на Галицкихъ монетахъ послѣ 1340 г. былъ произведенъ отъ самого имени Львовъ = города льва. Мы не согласны также и съ выраженіемъ почтеннаго изслѣдователя: «Автономныя монеты Галицкой Руси», потому что, когда чеканились разсматриваемыя авторомъ монеты, она перестала уже быть автономной. Галицкая Русь была автономной только до тѣхъ поръ, пока она была отдѣльной политической единицей земли Русской—землей Галицкой.—Немного непонятно намъ и изложеніе г. Болсуновскаго на страницѣ 15. Приводимая имъ выдержка изъ сочиненія Савельева «Монеты Джучидскія...» говоритъ о послѣдствіяхъ нашествія Тамерлана для сѣверной Руси, а почтенный ученый считаетъ его «причиной временнаго расцвѣта торговли на югѣ и западѣ Руси вообще, а въ Галицкомъ княжествѣ въ особенности». Такой взглядъ кажется намъ не вполнѣ соотвѣтствующимъ истинѣ: невольно вспоминается, что этотъ самый Тамерланъ въ 1395 году разорилъ городъ Тану, огромное торговое значеніе которой доказывается хотя бы тѣмъ фактомъ, что въ XIV ст. мы видимъ въ этомъ городѣ купцовъ венеціанскихъ, каталонскихъ, бискайскихъ и др. Заканчиваетъ свой трудъ г. Болсуновскій указаніемъ, что его «скромная брошюра можетъ служить только для популярнаго ознакомленія съ предметомъ тѣмъ русскимъ любителямъ отечественной нумизматики, которые еще не знакомы съ автономными монетками Галицкаго удѣла Руси; это послѣднее соображеніе и было нашей цѣлью». Затѣмъ приложены «Любительскія цѣны вышеописанныхъ монетъ». Эта табличка, несомнѣнно не безполезна.

—

Die Litauer unter dem König Mindowe bis zum Jahre 1263. Dissertation zur Erlangung der Doktorwürde der hohen philosophischen Facultät der Universität Freiburg in der Schweiz vorgelegt von *Johann Totoraitis*. Freiburg. 1905.

Еще въ 1901 году въ Парижѣ была издана небольшая книжечка, на обложкѣ которой значится: «*Constance Skirmunt*. Histoire de la Lithuanie», traduite du polonais par Louise Żołądź, Paris. Какъ видимъ, авторомъ этой маленькой брошюрки является Литовка по происхожденію, г-жа Скирмунтъ, писавшая на польскомъ языкѣ, а переводчицей — полька, г-жа Жолудь (?). «L'absence d'un petit cours élémentaire d'histoire de la Lithuanie se faisant sentir depuits longtemps, une Lithuanienne, M-lle Skirmunt, a comblé cette lacune en publiant ce recueil succinct des faits principaux de l'histoire de son pays». Цѣль, которую себѣ поставила г-жа Скирмунтъ, почтенна: она имѣла въ виду дать публикѣ популярный очеркъ исторіи своего отечества. Г-жа Жолудь вполнѣ оцѣнила трудъ г-жи Скирмунтъ и, désirant donc donner à cet ouvrage, говоритъ она, l'extension qu'il mérite, je l'ai traduit en français». Но не одно распространеніе знанія руководило г-жей Жолудь, какъ видно изъ заключительныхъ словъ ея предисловія. «En offrant ce travail au public, заканчиваетъ переводчица, je dois exprimer aussi ma conviction profonde que la Lithuanie et la Pologne, unies depuis des siècles d'une liaison fraternelle, ne forment et ne doivent former qu'un tout indissoluble». Какъ разъ наоборотъ тому, что можно сказать на основаніи строго научнаго изученія исторіи Литвы. Къ сожалѣнію, мы должны сказать, что тѣ «faits principaux de l'histoire», на которыхъ, будто бы основала свой трудъ г-жа Скирмунтъ, при внимательномъ чтеніи его, оказываются далеко не «principaux», потому что объясненіе фактовъ Литовской исторіи во многихъ мѣстахъ дается неправильное, иные факты совсѣмъ опускаются. Надо замѣтить при этомъ, что брошюрка написана, очевидно, и въ оригиналѣ легкимъ, живымъ языкомъ, которому соотвѣтствуетъ и языкъ перевода. Брошюрка можетъ читаться публикой, и тѣмъ хуже для послѣдней, и для исторической истины.

Я заговорилъ о брошюркѣ г-жи Скирмунтъ потому, что благодаря ей, едва не оставили безъ вниманія сочиненія г. Тоторайтисъ, которое безусловно заслуживаетъ вниманія, по своимъ качествамъ. Авторъ разсматриваемаго труда, несомнѣнно, Литвинъ, воспитанникъ фрейбургскаго университета, долженъ былъ много потрудиться надъ собираніемъ матеріаловъ, необходимыхъ для его работы. Можетъ быть,

ему приходилось даже ѣздить въ Россію для работы надъ русскими источниками. Если же использованные имъ матеріалы онъ нашелъ въ библіотекѣ университета въ Фрейбургѣ, то можно порадоваться интересу къ русской исторіи, проявленному учеными швейцарскихъ университетовъ. Тщательно прослѣдивъ всѣ ссылки автора и просмотрѣвъ приложенный имъ въ концѣ его книги перечень первоисточниковъ и пособій, которыми онъ воспользовался (Quellen und Hilfsmittel), мы убѣдились, что всѣ необходимые первоисточники русскіе (лѣтописи), ливонскіе, польскіе и т. д. тщательно авторомъ изучены; то же должно сказать и о пособіяхъ, и только очень немногіе изъ нихъ ускользнули отъ его вниманія, при чемъ къ числу послѣднихъ приходится, къ сожалѣнію, отнести и изслѣдованіе Н. П. Дашкевича: «Литовско-русское государство, условія возникновенія и причины упадка». Весь трудъ г. Тоторантисъ распадается на четыре большихъ главы: I: Die Urgeschichte Litauens, II: Friede mit Wohlynien, Krieg mit Nowgorod, III: Mindowes Taufe, IV: Die Kriege der Schemoiten mit dem Orden. Этимъ главамъ предшествуетъ 1) Einleitung: Quellen und Bearbeitungen, а заканчиваетъ Schluss.

Въ Einleitung авторъ дѣлаетъ обстоятельный обзоръ источниковъ, начиная съ русскихъ лѣтописей. Нѣкоторый пробѣлъ составляетъ отсутствіе русско-литовскихъ лѣтописей: авторъ не знакомъ съ ними ни въ одной редакціи. Но это обстоятельство не уменьшаетъ достоинствъ труда г. Тоторантисъ. Дѣло въ томъ, что только часть списковъ этихъ отношеній имѣетъ введеніе, заключающее въ себѣ повѣствованіе о доисторическихъ временахъ Литвы, какъ списокъ Быховца, графа Красицкаго; другіе списки, какъ Попова и Аврамки, начинаются прямо съ извѣстнаго «Origo», а слѣдовательно, ничего не могли дать автору для исторіи княженія Миндовга. Кромѣ того, началомъ критической разработки литовской исторіи авторъ, вполнѣ основательно, считаетъ трудъ В. Б. Антоновича: «Очеркъ исторіи великаго княжества Литовскаго». Народныя преданія Литвы нашли въ этомъ изслѣдованіи соотвѣтствующую оцѣнку, почему авторъ и не счелъ нужнымъ вновь останавливаться на нихъ. Первая глава разсматриваемаго труда заключаетъ въ себѣ очеркъ культуры, разселенія и исторіи Литовскихъ племенъ на основаніи историческихъ, археологическихъ и лингвистическихъ данныхъ. Авторъ основывается здѣсь на трудахъ Томсена и Брюкнера «Starożytna Litwa, ludi i bogi»), но главнымъ образомъ, на первоисточниках. Мы ничего не имѣли бы если бы авторъ обратилъ вниманіе на рус-

скую археологическую литературу. Ему напр., остались совершенно неизвѣстными труды русскихъ археологическихъ съѣздовъ. Не безполезно было бы для этой же главы воспользоваться трудомъ Билліптейна: Die Gränzen des lettischen Volkstammes und der lettischen Sprache in der Gegenwart und im XIII Jahrhundert. Spb. 1892. Въ слѣдующихъ главахъ авторъ прилагаетъ исторію Литовскихъ племенъ съ перваго появленія ихъ на исторической сценѣ: исторію ихъ отношеній къ Руси, съ нѣмецкой колоніей въ Ригѣ. Всякій сообщаемый фактъ покоится на данныхъ первоисточниковъ, тщательно сличенныхъ и гдѣ являлось къ томъ возможность, взаимно провѣренныхъ. Особенный интересъ возбуждаетъ при чтеніи статьи (авторъ дѣлитъ главы еще на статьи) «Die Einigung Litauens durch Mindove», и вся остальная часть труда г. Татаринсъ производитъ впечатленіе изслѣдованія строго научнаго. Правда, онъ расходится въ нѣкоторыхъ пунктахъ со своими предшественниками, хотя въ общемъ картина дѣятельности перваго историческаго князя Литовскаго остается одна и та же. Позволяемъ себѣ привести почти цѣликомъ заключеніе (Schluss) автора о Миндовгѣ и значеніи его дѣятельности. «Главная заслуга Миндовга состоитъ въ томъ, что онъ соединилъ въ одно государство литовскіе народцы, которые до него составляли лишь небольшія, ничего незначащія племена, и присоединилъ къ нему Бѣлую и Черную Русь. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ поднялъ Литву на такую ступень могущества, что съ нимъ приходилось уже считаться ея сосѣдямъ». «Миндовгъ не имѣлъ дарованій полководца... Какъ политикъ, онъ является хитрымъ, скрупулезнымъ въ выборѣ своихъ средствъ, безпощаднымъ въ отношеніи своихъ друзей и враговъ, выносливымъ и стойкимъ въ тяжелыхъ обстоятельствахъ, энергичнымъ въ выполненіи своихъ плановъ». Характеристика — вполнѣ соотвѣтствующая историческимъ фактамъ. — Въ трудѣ г. Тоторапнсъ разсыпаны, между прочимъ, интересныя замѣчанія и объясненія, основанныя на знаніи имъ литовскаго языка, какъ родного, и знакомствѣ съ территоріей, на которой происходятъ нѣкоторыя событія. Напр., авторъ указываетъ, что по литовски имя Миндовга звучало, по всей вѣроятности, Mindougas. Относительно города Миндовга Воруты авторъ высказываетъ такое мнѣніе: «въ приходѣ Лишковъ (Lischkow) Сувалкской губерніи существуетъ на одномъ холмѣ развалины древняго города на лѣвомъ берегу Нѣмана. Нѣманъ, кажется, обведенъ вокругъ холма по искуственному ложу. Это положеніе отвѣчаетъ вполнѣ одному мѣсту Лифляндской Reimchronik,

гдѣ говорится, что Лифляндцы осаждали городъ Миндовга, и что далѣе, т. е., южнѣе, лифляндское войско не продвинулось. Такимъ образомъ, по моему мнѣнію, здѣсь, въ этихъ далеко къ югу простирающихся развалинахъ (городище) слѣдуетъ искать родовой городъ Миндовга». Впрочемъ, не отнимая вѣроятности у этого предположенія, мы должны сказать, что два стиха Reimchronik, на которые опирается авторъ, сами по себѣ ничего категорическаго не заключаютъ. Правда, ливонцы осаждали городъ Витовта,

«Wohin nie ein Christenheer kam
Der Brüder genug man wahr da nahm». (Die Livländische Reimchronik von Ditlieb von Alnpeke. Ed. Meyer. Reval. 1848, S. 95, v. 3349—1350).

Какъ бы ни было, должно принять работу г. Тоторантисъ весьма интересной и заслуживающей вниманія занимающихся русской исторіей вообще и литовской въ частности. Если и можно не соглашаться съ авторомъ въ нѣкоторыхъ его взглядахъ на факты, оспаривать ту или иную комбинацію ихъ, то нигдѣ нельзя упрекнуть его въ методѣ. Авторъ пріобрѣлъ сочиненіемъ Doktorwürde. Мы съ охотой признали бы его достойнымъ степени магистра русской исторіи.

—

Графъ А. Бобринскій. Херсонесъ Таврическій. Историческій очеркъ. Спб. 1905 г.

Нашъ уважаемый археологъ въ своемъ предисловіи самъ опредѣляетъ цѣль написанія имъ вышеозначенной книги: «первоначальной задачей этой книги, говоритъ онъ, было дать лицамъ, посѣщающимъ херсонесскія развалины, возможность познакомиться съ судьбой города Херсонеса. Но по мѣры накопленія матеріала, трудъ мой разросся и представляетъ нынѣ исторію Херсонеса Таврическаго, если можно назвать исторіей наборъ фактовъ, заимствованныхъ у всевозможныхъ источниковъ и расположенныхъ хронологически, причемъ эти факты весьма часто не имѣютъ внутренней связи между собою» «Въ моей же книгѣ, говоритъ далѣе уважаемый автора, я помѣстилъ всѣ разсказы, легенды, басни и сказанія, которые мнѣ удалось встрѣтить. Приведены также и данныя церковной лѣтописи и агіографіи». Сказанное вполнѣ характеризуетъ трудъ гр. Бобринскаго и опредѣляетъ его значеніе, котораго авторъ не замѣчаетъ или, по скромности, не хочетъ замѣчать. Но обратимся сперва къ содержанію разсматриваемаго труда. Онъ распа-

дается на девять главъ: I: Миѳическія времена; II: Съ V вѣка до половины II вѣка до Р. Х. Время самостоятельности города; III: Съ половины II вѣка до половины I вѣка до Р. Х. Владычество Миѳридата Понтійскаго; IV: Отъ половины I вѣка до Р. Х. до V вѣка по Р. Х. Римское владычество; V: Отъ V до конца X вѣка по Р. Х. Византійское владычество; VI: Отъ 989 по 1204 г.; VII: Отъ 1204 до 1453 г.; VIII: Отъ 1453 по 1783 г.; IX: Владычество Россіи. Князь Долгоруковъ-Кларкъ. Это, по видимому, подробное оглавленіе не даетъ однако же полнаго представленія о содержаніи книги. Если мы возьмемъ даже мелкія рубрики, на которыя распадается каждая глава, то и онѣ не дадутъ намъ полнаго о немъ представленія. Почтенный авторъ въ концѣ книги приводитъ перечень тѣхъ первоисточниковъ и пособій, съ которыми онъ, по его словамъ, могъ основательно познакомиться. Такихъ первоисточниковъ и пособій оказывается 153. Число почтенное само по себѣ, но оказывается, что указатель, состав. г. А. Маркевичемъ имѣется 250 названій сочиненій, относящихся къ исторіи Херсонеса политической и бытовой. Такимъ образомъ, для человѣка, который бы исключительно спеціализировался на судьбахъ Херсонеса, едва-едва подъ силу будетъ ознакомиться съ такой массой матеріала. Что же приходится дѣлать спеціалисту по русской исторіи, который имѣя на рукахъ сотни томовъ своей спеціальной литературы, вмѣстѣ съ тѣмъ необходимо долженъ знать и всѣ тѣ историческія и археологическія данныя, которыя относятся къ Херсонесу: исторія политическая и церковная, исторія русской торговли, промышленности и вообще быта такъ тѣсно связаны съ жизнью Херсонеса. Собрать все, что добыто въ этомъ отношеніи раньше, что открывается и добывается теперь, — вотъ въ чемъ заключается заслуга уважаемаго автора предъ историкомъ древней Руси. Для послѣдняго не только важна (хотя и важна) сама исторія Херсонеса, на сколько важны точныя указанія: гдѣ, когда и какъ были сдѣланы раскопки въ Херсонесѣ, что найдено, когда найдено, какое значеніе открытыхъ памятниковъ монументальныхъ и вещевыхъ и т. д., какія существуютъ памятники письменные, заключающіе въ себѣ данныя для исторіи быта Херсонеса, приведеніе самыхъ этихъ данныхъ, разсыпанныхъ во множествѣ разнообразныхъ изданій. Трудъ гр. Бобринскаго есть исторія Херсонеса въ хронологически расположенныхъ данныхъ памятниковъ письменныхъ и вещественныхъ. Тамъ, гдѣ дѣло касается данныхъ археологическихъ, почтенный ученый по бо́льшой части, говоритъ

категорически, какъ спеціалистъ археологъ. Тамъ, гдѣ ему приходится встрѣчаться съ вопросами историческаго характера, онъ передаетъ взгляды, существующіе въ русской исторической наукѣ. Если спеціалисту—русскому историку приходится благодарить гр. Бобринскаго за возможность знать все, что когда-либо было открыто въ Херсонесѣ путемъ раскопокъ или находокъ, все, что̀ можно найти о немъ въ памятникахъ письменности, и притомъ совершенно покойно пользоваться для своихъ цѣлей сообщаемыми фактами, то не меньшую благодарность заслуживаетъ онъ и отъ всѣхъ посѣщающихъ развалины Херсонеса, всѣхъ, интересующихся древними и нашими памятниками, и въ высшей степени полезной является его книга для нашихъ учебныхъ заведеній, въ которыхъ преподаватели исторіи *обязательно должны считать своимъ долгомъ* знакомить молодое поколѣніе съ русскими древностями и руководить ученическими экскурсіями. Не можемъ въ заключеніе не высказать пожеланія, чтобы у насъ появились такимъ же именно методомъ написанныя исторіи Босфора Киммерійскаго (Понтикапея, Сагсаи, Керчева), Фанагоріи [Тъ(ъ)моутораканя], Τὰ Μέταρχα, Τὰ Μάτραχαἐπίσκοπος τῶν Ματράχων, Ольвіи, Таны. Скажемъ еще, что встрѣчающіяся кое-гдѣ въ разсматриваемой книгѣ хронологическія и историческія неточности въ отношеніи собственно русской исторіи не важны и не измѣняютъ нисколько важнаго значенія труда почтеннаго археолога.

П. Голубовскій.

2083